

КОЛИН МАККАЛОУ

Порочная
страсть

Колин Маккалоу: Золотая коллекция

Колин Маккалоу
Порочная страсть

«Издательство АСТ»

1981

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Порочная страсть / К. Маккалоу — «Издательство АСТ»,
1981 — (Колин Маккалоу: Золотая коллекция)

ISBN 978-5-17-114323-7

Глубокий и яркий роман о психологии отношений и вечной борьбе между чувствами и долгом. Человеческую душу можно сколько угодно ломать и калечить, но никакими силами не отнять у нее самого естественного на свете свойства – умения любить. ... Только что завершилась война. Снова светит солнце, цветут цветы, и мужчины и женщины – такие, как медсестра из военного госпиталя Онор Лангтри и ее пациент Майкл Уилсон – влюбляются друг в друга. Однако в жизни все никогда не бывает – да и не может быть – легко и просто. И приходится принимать решения, зачастую имеющие самые неожиданные последствия...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-114323-7

© Маккалоу К., 1981

© Издательство АСТ, 1981

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Колин Маккалоу

Порочная страсть

Colleen McCullough
AN INDECENT OBSESSION

© Colleen McCullough, 1981

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Моей «маленькой сестренке» Мэри Харджи Болк

Я хотела бы поблагодарить своих консультантов – Р. Дж. Ривза, отставного полковника штаба Сил обороны Австралии, миссис Алму Критчли и сестру Нору Сполдинг за их великодушную помощь.
Колин Маккалоу

Часть первая

Глава 1

Молодой солдат, опустив вещевой мешок на землю, стоял перед безымянной постройкой и смотрел на дверь без каких-либо опознавательных знаков. Так это и есть барак «Икс», куда его отправили? Последний на территории госпиталя, как ему сказали, с облегчением махнув рукой в сторону тропинки, когда он заверил, что сам найдет дорогу – ни к чему отрывать людей от дела. Солдат был в форме, хотя уже и без оружия и боеприпасов: накануне забрал батальонный оружейник, – поэтому чувствовал себя не вполне комфортно.

Итак, он на месте. Вот он, госпитальный барак для бедолаг, чьи мозги размякли в тропиках. Вот и отвоевался! Ни денег, ни славы... А впрочем, какая разница? Главное, войне конец.

Сестра Онор Лангтри незаметно наблюдала за ним из окна своего кабинета со смесью раздражения и любопытства. Навязался же на ее голову именно тогда, когда она была твердо убеждена, что больше поступлений не будет. К тому же, вне всякого сомнения, появление новичка если и не вызовет бурю, но хрупкое равновесие в отделении «Икс» нарушит. Да ей и самой было очень любопытно: в солдате она видела еще одного незнакомца, которого еще предстояло узнать. Итак, М. Э. Дж. Уилсон прибыл.

По знакам отличия Онор определила, что он сержант. Слева, чуть выше кармана, у него на груди имелась полосатая, красная с синим, ленточка медали «За безупречную службу» – награды самой почетной и редкой, а рядом – трех звезд. На выгоревшей почти до белизны ленте его шляпы, хранившей память о Ближнем Востоке, выделялась серая по краям нашивка дивизии. Военная форма, хоть и выцветшая, выглядела опрятно, ремешок широкополой шляпы, как и предписывает устав, перехватывал подбородок, а начищенные пряжки сияли медью. Воин не отличался ростом, зато был коренаст и кряжист, с загорелыми до черноты руками и шеей. Этот парень явно прошел всю войну, и, глядя на него, сестра Лангтри терялась в догадках: отчего его отправили в отделение «Икс»? Он выглядел немного потеряннным – такое случается почти с каждым на новом месте, – но других, более характерных признаков психического расстройства: спутанности сознания, дезориентации, тревоги, нарушений поведения – сестра Лангтри не заметила. Сказать по правде, новичок выглядел совершенно нормальным, что для отделения «Икс» было нонсенсом.

Наконец солдат подхватил с земли вещмешок и ступил на длинный пандус, ведущий к входу, а сестра Лангтри, покинув наблюдательный пункт, вышла в коридор. К весьма оригинальной ширме, которую смастерил один из пациентов, что уже давно покинул госпиталь, они подошли почти одновременно с разных сторон. Это была по-своему уникальная вещь: что-то вроде занавески из рыболовной лески с нанизанными на нее крышками от пивных бутылок. Стоило ее тронуть, и раздавалось громыхание жести. Эта ширма, изготовленная шутником пациентом, стала визитной карточкой отделения «Икс» и под ее ужасающей какофонией состоялось знакомство сержанта Уилсона с сестрой Лангтри.

– Здравствуйте, сержант. Меня зовут Онор Лангтри, – проговорила сестра с приветливой улыбкой, которая означала: «Добро пожаловать в барак «Икс», в мое царство».

Ее улыбка не могла скрыть легкой досады и беспокойства. Сестра выдала себя, когда резким повелительным жестом протянула руку за медицинской картой, заметив, что конверт, в котором она лежала, вскрыт. Ну что за болваны сидят в приемном отделении! Уилсон наверняка прочитал все бумаги.

Сержант же, несколько не смутившись, неспешно снял шляпу и спокойно протянул ей конверт с документами.

– Простите, сестра. Мне не было надобности читать бумаги, чтобы догадаться, что в них.

Сестра Лангтри чуть повернулась и через открытую дверь кабинета ловко бросила конверт к себе на стол, словно хотела дать понять сержанту, что не заставит его стоять столбом, пока будет копаться в его прошлом. Официальные документы можно изучить и позже, времени у нее достаточно, а сейчас важно дать ему освоиться, почувствовать себя свободно.

– Итак, Уилсон?.. – Ей нравилась его невозмутимость.

– Майкл Эдуард Джон Уилсон, – совершенно невозмутимо представился новоприбывший, и в глазах его промелькнула едва заметная улыбка.

– Как нам вас называть?

– Майкл, а можно и Майк, не важно.

Он полностью владел собой, как ей казалось. Определенно никаких следов болезненной раздвоенности, неуверенности в себе. «О господи, – подумала сестра, – как он будет себя чувствовать среди остальных?»

– Откуда вы прибыли?

– О, издалека, – уклончиво ответил Уилсон.

– Бросьте, сержант. Война закончилась, так что о секретности можно забыть. Должно быть, вы с Борнео, но откуда именно? Бруней? Баликпапан? Таракан?

– Из Баликпапана.

– Что ж, добро пожаловать! О, вы появились как нельзя вовремя, – оживленно проговорила сестра и жестом предложила следовать за ней по короткому коридору. – Скоро ужин, а здесь неплохо готовят.

Барак «Икс» наскоро сколотили из остатков стройматериалов, и отвели ему место на самой границе территории госпиталя, поскольку изначально он не предназначался для пациентов, которым требовалась особая медицинская помощь. Барак легко вмещал десять коек, а при необходимости можно было поставить и двенадцать или даже четырнадцать, к тому же порой использовали и веранду. Постройка из нестроганных досок, прибитых внахлест, прямоугольная, с голыми полами, была выкрашена в цвет детской неожиданности, по выражению ее обитателей. Широкие окна – вернее, проемы без стекол, – прикрывали деревянные жалюзи, призванные защищать барак от непогоды. Венчала строение крыша из пальмовых листьев.

Сейчас в общей палате размещалось всего пять кроватей. Четыре выстроились одна за другой изголовьями к стене, как и полагается в госпитале, пятая же странным образом выбивалась из строя и стояла особняком у противоположной стены, причем не под прямым углом к ней, а вдоль нее, вопреки больничным правилам. Обшарпанные низкие госпитальные койки были аккуратно застелены простынями из небеленого полотна, которые в этих жарких влажных широтах с успехом заменяли и одеяла, и покрывала. От частых стирок они с годами выщвели и сделались белесыми, как выброшенные на морской берег кости. Над изголовьем каждой из коек на высоте шести футов крепилось кольцо наподобие обода баскетбольной корзины, с которого свисала длинная москитная сетка маскировочного зеленого цвета, затейливо уложенная изящными складками, достойными лучших творений Жака Фата¹. Возле каждой кровати стоял проржавевший металлический шкафчик.

– Можете свалить все свое снаряжение вон на ту кровать, – указала сестра Лангтри на койку у дальней стены, последнюю в ряду из четырех, как раз напротив окна, прикрытого жалюзи. – Вещи разберете потом. В отделении «Икс» еще пять человек, и я хочу познакомить вас с ними до ужина.

¹ Фат Жак (1912–1954) – французский кутюрье, оказавший наряду с Кристианом Диором и Пьером Бальменом значительное влияние на моду послевоенного времени – *Здесь и далее примеч. пер.*

Майкл положил шляпу на подушку, опустил на кровать вещмешок, снял ранец и ремень с сумками. Славная койка: лежишь, а тебя обдувает свежим ветерком. Часть палаты как раз напротив была наглухо отгорожена ширмами, словно там лежал умирающий, но сестра Лангтри спокойным, уверенным жестом поманила сержанта за собой и с ловкостью, что приобретается лишь долгой практикой, скользнула в проход между двумя ширмами. В отгороженном углу не обнаружилось ничего таинственного, только длинный обеденный стол да скамьи по краям, а во главе – старое, удобное с виду кресло.

По другую сторону стола был выход на веранду, пристройку шириной футов десять и длиной около сорока, что лепилась к стене барака, похожая на грубую оборку нижней рубашки, торчащую из-под юбки. Под стрехами веранды висели свернутые в рулоны бамбуковые шторы – в дождливую погоду их опускали. Площадку окружала невысокая, чуть ниже пояса, оградка из жердей с дощатыми перилами. Ботинки Майкла так грохотали по крепким половицам пола, что казалось, будто кто-то бьет в громадный барабан. У общей с баракком стены веранды почти вплотную стояли в ряд четыре кровати, а остальное пространство занимали разномастные стулья: должно быть, обитатели барака любили собираться в этом углу веранды. Возле самой двери притулился обеденный стол со скамейками – копия того, что в палате. Почти всю поверхность стены между верандой и палатой занимали оконные проемы с деревянными решетками жалюзи, широко открытыми, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Веранду пристроили с подветренной стороны, так что сюда не долетали порывы муссонов, однако, как оказалось, здесь всегда дули юго-восточные пассаты.

День угасал, но все еще теплилось его дыхание; в наплывающих сумерках тени цвета индиго и нежно-золотистые лужицы света пестрели на земле за оградой веранды. Черная, похожая на огромный кровоподтек грозовая туча, проплывая по багровому небу, заволокла верхушки кокосовых пальм, и те застыли в неподвижности, позлащенные закатными лучами, словно пышно разодетые танцовщицы с острова Бали. Мерцающий воздух тек с ленивой неспешностью, в нем плясали мириады пылинок, и казалось, что мир погружается на дно океана, пронизанного солнечными стрелами. Вдали, будто подпорка для небесного свода, вздымались костлявые ребра радуги с яркой каймой по краю, вот только самая вершина была безжалостно смазана. Разноцветные бабочки летели прочь, на смену им прилетали ночные мотыльки, словно безмолвные порхающие духи. Среди листвы в клетках пальмовых ветвей распевали птицы, и чистые их ликующие голоса звенели в вышине.

«О господи, сейчас начнется, – подумала сестра Лангтри, прежде чем выйти на веранду, чтобы познакомить Уилсона с остальными обитателями барака. – Никогда не знаешь, чего от них ждать: мотивы их поступков непостижимы, – и остается лишь полагаться на свое чутье. Нет, понять их можно, но вот осмыслить...»

Полчаса назад она объявила им, что поступил новый пациент, и теперь буквально кожей чувствовала их тревожную настороженность. Ничего другого она и не ждала: обитатели барака видели угрозу в каждом новичке, и, чтобы привыкнуть, восстановить прежний порядок вещей в своем мирке, им требовалось время, а до тех пор к чужаку всегда относились враждебно. И чем больше времени уделяла новоприбывшему сестра в ущерб остальным, тем сильнее разгоралась всеобщая неприязнь к нему. В конце концов жизнь возвращалась в старое русло, вчерашний новичок обживался и становился своим, но до того дня сестре Лангтри предстояло пережить нелегкое время.

Возле стола сидели четверо мужчин, причем трое из них – голые по пояс. Пятый, с книгой в руках, лежал, вытянувшись во весь рост, на ближайшей койке. Только один из обитателей поднялся при появлении сестры с новеньким – высокий худой мужчина лет тридцати пяти, голубоглазый, со светлой шевелюрой, выгоревшей на солнце до белизны. На нем была выцветшая, защитного цвета форменная куртка-сафари, стянутая матерчатым ремнем, с погонами, на

которых красовались три бронзовых капитанских звезды. Наряд завершали длинные прямые брюки и высокие замшевые ботинки для переходов по пустыне. Его вежливость говорила о хорошем воспитании, однако была обращена лишь к сестре Лангтри, а новичка он демонстративно не замечал.

Первое, что бросилось Майклу в глаза, это взгляды, обращенные на сестру. В них читалась не столько любовь, сколько ревность собственников. Больше всего его поразило их упорное нежелание даже взглянуть на него, хотя у двери веранды сестра Лангтри взяла его под локоть и потянула за собой, так что не заметить его было довольно трудно. И все же им это удалось, даже тому худосочному, что растянулся на койке.

– Майкл, познакомьтесь: это Нил Паркинсон, – невозмутимо произнесла сестра Лангтри, не обращая внимания на разлитую в воздухе настороженность.

При виде капитанских погон Майкл совершенно непроизвольно застыл навтыжку, словно гвардеец в почетном карауле, но это произвело, однако, неожиданный эффект. Нил Паркинсон взвился, будто ему отвесили пощечину, и прошипел:

– Бога ради, оставьте этот вздор! Всем мы тут, в «Иксе», из одного теста слеплены: у психов нет ни чинов, ни званий!

Армейская школа сослужила Майклу неплохую службу: на лице его ничего не отразилось, а выпад капитана он оставил без внимания, лишь сменил позу, словно по команде «вольно». Сестра Лангтри хоть и выпустила его локоть, но стояла так близко, что рукава их соприкасались и он чувствовал, как она напряжена. Складывалось впечатление, что она стремилась его защитить, при мысли об этом Майкл слегка отодвинулся. Ему предстояло пройти обряд посвящения, и он должен справиться сам.

– Говори за себя, капитан, – послышался другой голос. – Не все здесь тронутые. Можешь называть себя психом, если хочешь, но со мной все в порядке. Меня заперли здесь только по одной причине – чтобы заставить замолчать. Я для них опасен.

Эти слова произнес развалившийся в кресле молодой человек с голым торсом, ленивый в движениях, развязного вида, с резкими чертами лица. Капитан Паркинсон медленно повернулся к нему и бросил с неожиданной пугающей ненавистью в голосе:

– И ты тоже заткнись и проваливай ко всем чертям, грязный ублюдок!

«Пора вмешаться и положить этому конец, пока все не вышло из-под контроля», – сказала себе сестра Лангтри, стараясь скрыть досаду. Похоже, сержант Уилсон пришелся не ко двору: обитатели палаты ошетинились и затеяли какую-то подлую игру. Сестра Лангтри любила своих пациентов и хотела ими гордиться, а потому с трудом выносила подобные выходки.

Она заговорила холодным, отстраненно-насмешливым тоном, придав голосу жесткую нотку в надежде, что новичок поймет ее верно.

– Я должна извиниться перед вами, Майкл. Итак, продолжим знакомство. Тот джентльмен в кресле, что внес свою лепту в нашу беседу, – Люс Даггет. На скамье рядом с Нилом – Мэт Соьер. Он слепой, и предпочитает, чтобы я говорила об этом прямо, во избежание неловкости в дальнейшем. В дальнем кресле – Бенедикт Мейнард, а на кровати – Наггет Джоунс. Джентльмены, это наш новенький, Майкл Уилсон.

«Вот и все. Сержант Уилсон отпущен в свободное плавание. Утлый кораблик, более хрупкий, чем другие суда в житейском море, иначе он не оказался бы здесь, поплывет по волнам, распустив паруса, сквозь штормы и штили барака «Икс». И да поможет ему Бог, – подумала сестра. – С виду не похоже, что он нездоров, и все же что-то должно быть. Да, он тихий, но, кажется, это в его характере. А еще в нем чувствуется сила, внутренний стержень, что не дает ему сломаться». За все время ее работы в госпитале это уникальный случай.

Онор обвела строгим взглядом лица мужчин.

– Нечего злиться. Дайте бедняге Майклу возможность хоть немного освоиться.

Нил Паркинсон рассмеялся, уселся на скамью и, прежде чем отпустить замечание в адрес новичка, повернулся так, чтобы не выпускать из виду Люса:

– Возможность? Да бросьте, сестра! С чем тут осваиваться? Отделение «Икс» лечебного учреждения, в котором вы оказались, сержант, не что иное, как лимб, преддверие ада. Мильтон назвал его раем глупцов на задворках Вселенной. Это как раз про нас. Мы блуждаем по нашему лимбу, но миру с его войнами от нас никакого проку. Мы нужны ему как быку вымя.

Капитан прервался, чтобы оценить, какое впечатление произвела его пламенная речь на Майкла. Тот невозмутимо стоял рядом с сестрой Лангтри, ладный молодой парень в тропической форме защитного цвета, и лицо его выражало лишь интерес, глаза смотрели без страха. Вообще-то Нил не отличался агрессивностью и обычно выступал в роли буфера между новичком и остальными, однако Майкл Уилсон не укладывался в привычный шаблон барака «Икс», потому что вовсе не казался потерянным, внутренне опустошенным, вялым или безучастным, в его облике не было ни единого из множества признаков, что отличали здешних пациентов. Майкл Уилсон – крепкий, хоть и молодой, но бывалый солдат в здравом уме и твердой памяти – вовсе не нуждался в заботе и сочувствии.

С тех пор как несколько дней назад пришла новость о полном прекращении военных действий против Японии, Нила не отпускало болезненное ощущение, что он не поспевает за стремительным бегом времени, осмысленные решения пока даются ему с трудом, а силы понемногу возвращаются, но испытать их еще не пришлось. Кто знает, сколько времени отведено пятнадцатой базе и бараку «Икс»? Нил не желал упустить ни единой драгоценной секунды, а новенький угрожал разрушить сложившийся порядок.

– По мне, так вы не похожи на психа, – бросил он Майклу.

– Согласен, – заметил Люс со смешком, затем наклонился и грубо, со злобой ткнул слепого под ребра. – А ты что скажешь, Мэт? По-твоему, он похож на психа?

– Прекрати! – рявкнул на него Нил.

Тот хихикнул, а потом ни с того ни с сего запрокинул голову и громогласно расхохотался, но в этом безудержном бурном смехе не было и малейшего намека на веселье.

– Довольно! – резко оборвала его сестра Лангтри и обвела взглядом остальных, но лишь наткнулась на мощное дружное сопротивление.

Все они держались воинственно и задиристо, будто твердо решили не давать новичку спуска. В такие минуты сестра страдала от собственного бессилия, однако опыт подсказывал ей, что слишком сильно давить не следует. Подобные настроения быстро проходят, и чем сильнее враждебность, тем скорее маятник качнется в противоположную сторону, когда накал страстей стихнет.

Оглядев своих подопечных, сестра перевела взгляд на Майкла и вдруг обнаружила, что тот внимательно на нее смотрит. Ее кольнула тревога: в отличие от большинства новых пациентов Уилсон не пытался возвести вокруг себя непроницаемую стену, не было в его глазах ни растерянности, ни мольбы о помощи. Он просто смотрел на сестру Лангтри, как мужчина разглядывает очаровательную безделушку или щенка, пустиковину, имеющую скорее сентиментальную ценность, нежели практическую.

– Садитесь, пожалуйста, – обратилась она к Майклу с улыбкой, скрывая досаду из-за того, что от нее попросту отмахнулись. – Наверное, у вас уже ноги подкашиваются.

Он сразу же понял, что ее замечание вызвано не столько сочувствием к нему, сколько желанием осадить остальных. Это ее удивило. Она усадила сержанта Уилсона в кресло напротив остальных, затем села сама, чтобы наблюдать за Нилом, Майклом, Люсом и Бенедиктом, наклонилась вперед и машинально разгладила серое сукно форменного платья.

Уделять особое внимание тем обитателям барака, кто в любой момент мог дать к этому повод, вошло у нее в привычку – сестра мысленно отметила, что Бен выглядит смущенным и встревоженным. Мэт и Наггет обладали счастливой способностью не обращать внимания

на бесконечные перебранки между Нилом и Люсом, Бен же вздрагивал от каждого резкого слова и впадал в беспокойство, если перепалка продолжалась и никто не вмешивался, чтобы положить этому конец.

Полуприкрытые глаза Люса следили за сестрой Лангтри с пугающей похотливой фамильярностью, оскорбительной, чуждой самому ее существу, ее воспитанию – всему, чему ее учили, хотя за время работы в отделении «Икс» она наловчилась подавлять в себе отвращение. Теперь ей скорее хотелось понять, что заставляет мужчину смотреть на нее именно так. Впрочем, то был случай особый: с Люсом Даггетом ей так и не удалось продвинуться ни на шаг. Сестра Лангтри порой чувствовала себя немного виноватой, оттого что не стремилась добиться большего, да и не слишком старалась, поскольку всю первую неделю своего пребывания в «Иксе» Люс блистательно ее дурачил. Конечно, она быстро опомнилась, так что никто из них двоих пострадать не успел, но это было слабым утешением, поскольку факт оставался фактом: у нее с самого начала сложилось неверное представление о Люсе. Он обладал непостижимой властью над ней, внушал ей странную робость. Сестра Лангтри ненавидела это чувство, но вынуждена была терпеть.

С усилием оторвав взгляд от Люса, она вновь посмотрела на Бена. Выражение его длинного, темно-коричневого от загара лица заставило ее мельком взглянуть на приколотые к груди часики.

– Бен, вы не могли бы найти дежурного по кухне? Узнайте, пожалуйста, что там происходит. Ужин запаздывает.

Мейнард рывком поднялся на ноги, торжественно кивнул и пошагал в глубину барака.

Это, казалось, придало мыслям Люса другое направление. Он вдруг выпрямился, вытаращил свои жуткие желтоватые глаза, покосился на Майкла, потом взгляд его лениво скользнул по лицу Нила и вернулся к сестре Лангтри, но теперь в нем уже не было грубой похоти, только задумчивость.

Онор откашлялась:

– У вас вся грудь в наградах, Майкл. Когда вы вступили в армию – в самом начале войны?

Его светлые волосы на красиво вылепленной, коротко остриженной голове отливали металлом, черты казались резкими на худом лице, и все же оно не походило на обтянутый кожей череп, как у Бенедикта. Тонкие лучистые морщинки окружали его глаза, а от крыльев носа к уголкам губ тянулись глубокие складки. Уже не мальчик, но мужчина, хотя морщины и появились у него прежде времени. Должно быть, человек он честный и прямой. В его спокойных серых глазах, лишенных возраста, безжалостных, отражалась предельная сдержанность и острый ум. Онор успела рассмотреть все это за долю секунды, которая понадобилась Майклу, чтобы набрать в грудь воздуха, перед тем как заговорить, и не заметила, что ее интерес к новичку поглощает общее внимание, что к ней прикованы взгляды всех мужчин, даже слепого Мэта.

– Да, я попал на фронт с первым набором, – ответил Уилсон.

Наггет отбросил потрепанный медицинский справочник, который иногда листал, делая вид, будто читает, повернул голову и уперся в него застывшим взглядом, Нил вскинул брови, а сестра Лангтри вздохнула:

– Долго же вам пришлось воевать, целых шесть лет. И что вы чувствуете теперь?

– Рад, наверное, что остался цел, – произнес сухим, будничным тоном Майкл.

– Но поначалу вы сами рвались в бой... Когда же все изменилось?

Майкл посмотрел на сестру так, словно вопрос показался ему смешным и наивным, но все же ответил, пожав плечами:

– Надо исполнять свой долг, верно?

– Ах, долг! – насмешливо фыркнул Нил. – Из всех страстей эта самая порочная! Невежество увлекает нас в западню, а долг не дает из нее выбраться. Я хотел бы увидеть мир, в котором дети впитывают с молоком матери убеждение, что главное – долг перед самим собой.

– Да будь я проклят, если стану внушать такое своим детям, черт возьми! – резко бросил Майкл.

– Я не проповедую гедонизм и не призываю отвергнуть все нормы морали! – раздраженно проворчал Нил. – Просто мне больше по вкусу иной миропорядок, когда лучших своих сыновей не отправляют на бойню во цвете лет, только и всего.

– Ладно, тут вы правы, я с вами согласен, – признал Майкл, и взгляд его смягчился. – Простите, что неверно вас понял.

– Меня это не удивляет, – ввернул Люс, никогда не упускавший случая раздражить Нила. – Слова, слова, слова! Так ты и добывал все свои победы в боях? Забалтывал врага до смерти?

– Что ты можешь знать о боевых победах, балаганный уродец? Это тебе не утиная охота! Тебя ведь силой волокли в армию, а ты всю дорогу упирался и визжал, как недорезанная свинья, но потом нашел себе славное, уютное местечко подальше от передовой, верно? Меня тошнит от тебя!

– А меня еще больше тошнит от тебя, заносчивый ублюдок! – прорычал Люс. – Подожди, я еще отрежу у тебя яйца и съем на завтрак!

Настроение Нила переменялось как по волшебству. Его злость испарилась, в глазах заплясали насмешливые искры, и он медленно протянул:

– Дело того не стоит, старина. Видишь ли, они такие мелкие.

Наггет сдавленно хихикнул, Мэт издал веселый возглас, Майкл рассмеялся в голос, а Онор вдруг опустила голову, уткнулась страдальческим взглядом в колени, потом наконец совладала с собой и резко оборвала перепалку, сурово отчеканив:

– Джентльмены, ваши сегодняшние речи оскорбительны. Пять лет в армии восполнили пробелы в моем образовании, но мои взгляды остались прежними. Будьте любезны, воздержитесь от сквернословия в моем присутствии. – Сестра повернулась и метнула на Майкла свирепый взгляд. – К вам это тоже относится, сержант.

В глазах Уилсона не промелькнуло даже тени раздражения или недовольства.

– Да, сестра.

Его широкая улыбка была такой заразительной, такой искренней, такой... нормальной, что лицо ее радостно вспыхнуло.

Люс поднялся на ноги плавным движением, полным природной грации с налетом театральности, проскользнул между креслом Нила и пустым стулом, где прежде сидел Бенедикт, протянул руку и нахально взъерошил Майклу волосы. Тот не отшатнулся и даже как будто не рассердился, но тотчас внутренне подобрался, насторожился. «Возможно, это знак, что с ним шутки плохи», – подумала Онор, с интересом наблюдая за ним.

– О, да ты далеко пойдешь! – воскликнул Люс и с ухмылкой повернулся к Нилу. – Уверен, у тебя появился достойный соперник, капитан Оксфорд! Славно! Он поздно стартовал, но до финишного столба еще далеко, верно?

– Проваливай! – гневно прорычал Нил, и руки его сжались в кулаки. – Убирайся с глаз моих, черт тебя подери!

Верткий как угорь Люс ловко проскочил бочком между Майклом и сестрой Лангтри и метнулся к двери, но там столкнулся с Бенедиктом и отпрянул со сдавленным возгласом, словно обжегся. Быстро справившись с испугом, он презрительно скривил губы, отступил в сторону и, отвесив шутовской поклон, издевательски спросил, прежде чем исчезнуть за дверью:

– Каково это, чувствовать себя убийцей стариков и детей, Бен?

Застывшая фигура Бенедикта казалась такой одинокой, такой сокрушенной и потерянной, что Майкл впервые с тех пор, как переступил порог барака «Икс», ощутил глубокое волнение. Безжизненный взгляд потухших темных глаз Бена задел его за живое, и он подумал: «Может, дело в том, что я впервые увидел здесь искреннее чувство? Бедняга! Судя по всему, он испытывает то же, что и я: будто кто-то погасил у тебя внутри свет, и теперь там черным-черно».

Бенедикт, сложив на животе руки, шаркающей походкой монаха направился к своему стулу. Майкл наблюдал за ним, пристально вглядываясь в мрачное смуглое лицо. Изможденное, словно изношенное, изъеденное душевным страданием, оно казалось невыносимо жалким. Майклу почему-то вдруг вспомнился Колин, хотя тот несколько не походил на Бена, и так отчаянно захотелось помочь, что он мысленно попросил Бенедикта поднять свой ускользающий взгляд. Будто услышав этот немой призыв, Бен посмотрел ему в лицо, и Майкл улыбнулся в ответ.

– Не обращайте внимания на его выходки, Бен, он нарочно вас задирает, – сказал Нил. – Люс просто ничтожество, болван.

– Он чистое зло, – с усилием выдавил Бенедикт, словно слова эти грызли его изнутри.

– Да и все мы не лучше, если уж начистоту, – спокойно заметил Нил.

Онор поднялась. Нил хорошо ладил с Мэтом и Наггетом, но отчего-то не смог найти верный тон с Бенедиктом.

– Вы выяснили, почему с ужином вышла задержка, Бен? – спросила Лангтри.

На миг монах превратился в мальчишку: глаза его потеплели и, полные чистой, незамутненной нежности, обратились к сестре, молчаливо благодаря за то, что предусмотрительно отослала его с поручением.

– Ужин скоро будет, сестрица, уже совсем скоро!

Онор на мгновение задержала взгляд на его лице, потом повернулась к остальным.

– Пойдемте, Майкл, я помогу вам разобрать вещи. А вам, джентльмены, поскольку ужин сегодня будет позже, думаю, лучше перейти в помещение и надеть рубашки с длинными рукавами, иначе придется весь вечер бить комаров.

Майкл предпочел бы остаться на веранде, посмотреть, как будут держаться обитатели барака в отсутствие сестры, но воспринял ее слова как приказ и последовал за ней в палату.

Все его вещи лежали на кровати, и Майкл начал их разбирать с небольшого ранца. Сестра Лангтри стояла и наблюдала за ним, сложив руки на груди. Вот он достал зубную щетку, драгоценный кусочек грязноватого мыла, табак, бритвенные принадлежности и аккуратно сложил все в ящик шкафчика. Движения его были неторопливы и размеренны.

– Вы хоть представляли себе, куда попадете? – спросила Онор.

– Ну, я видел, как многие парни сходят с ума, но это совсем не одно и то же. Здесь держат людей с психическими расстройствами?

– Да, – сказала она мягко.

Майкл отстегнул от верха ранца скатанное в рулон одеяло вместе с брезентовой подстилкой, достал носки, белье, полотенце, чистые рубашки, брюки, шорты, и перекладывая вещи в шкафчик, заговорил:

– Странно, что в пустыне люди лишаются рассудка в десять раз реже, чем в джунглях. Впрочем, пустыня ведь не сжимается кольцом, не сдавливает, не давая вырваться, так что выжить там намного легче.

– Поэтому тропические джунгли и называют гиблыми... непроходимыми, – согласилась Онор, продолжая наблюдать за Майклом. – Если не хватит полок, здесь есть еще большой шкаф, туда можно убрать остальное. Ключ я держу у себя, так что, когда что-то понадобится, скажите... Знаете, они не так ужасны, как вам могло показаться.

– Ничего, бывало и похуже. – Он едва заметно улыбнулся уголком рта. – Мне доводилось видеть всякое.

– Разве вы не обиделись?

Майкл выпрямился с парой запасных ботинок в руке и посмотрел ей в лицо.

– Война закончилась, сестра, я сыт по горло. Меня в любом случае скоро отпустят домой, так что, в сущности, мне без разницы, где дожидаться приказа. А жизнь здесь намного лучше, чем в лагере, да и климат мягче, чем на Борнео. Я уж и не помню, когда в последний раз спал на сносной постели.

Коснувшись ладонью складок москитной сетки, он усмехнулся и добавил:

– Все удобства, да еще мамочка в придачу! Нет, я не в обиде.

Словцо «мамочка» больно задело Онор. Да как он посмел? Впрочем, время все расставит по своим местам, и он еще поймет, что ошибался. А пока лучше не обращать внимания.

– Но почему же вы не возражали? Насколько я могу судить, у вас нет никакого психического расстройства!

Майкл пожал плечами и склонился над вещевым мешком, где книги занимали, похоже, не меньше места, чем одежда. Онор отметила, что все уложено ловко и умело.

– Наверное, я слишком долго подчинялся бессмысленным приказам, сестрица. Поверьте мне, отправиться сюда – далеко не самое бессмысленное распоряжение из тех, что мне приходилось исполнять.

– Так вы готовы смириться с клеймом психически больного?

Он беззвучно рассмеялся.

– Конечно, нет! С мозгами у меня все в порядке.

Впервые за всю свою долгую медицинскую практику сестра Лангтри действительно не знала, что сказать, и растерялась. Майкл снова потянулся к вещмешку, и тут она наконец нашла повод продолжить разговор.

– О, хорошо, что у вас есть парусиновые туфли! Не выношу грохота ботинок по дощатым полам. – Онор протянула руку и перебрала несколько книг, лежавших на кровати: Стейнбек, Фолкнер, Хемингуэй. – Только американские авторы? Ни одного английского?

– Они меня не привлекают: не понимаю я их, – спокойно ответил Майкл, складывая книги стопкой, чтобы убрать в шкафчик.

И опять отпор, пусть и мягкий. Сестра почувствовала досаду, но решив, что это вполне естественно, поинтересовалась:

– Почему?

– Мне незнаком их мир. Вдобавок я давненько, с тех самых пор, как покинул Ближний Восток, не встречал англичан. Так что книги взять неоткуда. Да и с янки у нас куда больше общего.

Поскольку ее круг чтения составляла прежде всего английская литература и ни одной книги современных американских писателей она даже не открывала, Онор предпочла оставить эту тему и вернуться к главному.

– Вы сказали, что сыты по горло. А можно узнать чем?

Майкл затянул шнур на вещевом мешке, поднял опустевший ранец вместе с поясными сумками и лишь потом ответил:

– Да всем вместе... этой дрянной, непотребной жизнью.

Сестра направилась к шкафу, жестом предложив ему следовать за ней, и спросила:

– Вам не страшно возвращаться домой?

– А чего мне бояться?

Онор отперла шкаф и отступила на шаг, чтобы Майкл мог положить свои вещи на полку, и пояснила:

– В последнее время я все чаще замечаю, что большинство моих пациентов, да и, по правде сказать, коллеги-медсестры, боятся ехать домой. Когда война тянется так долго, все, что было прежде близким и родным, начинает казаться чужим и незнакомым, словно теряешь почву под ногами.

Убрав вещи в шкаф, сержант выпрямился и повернулся к ней.

– Наверное, здесь так и происходит. Ведь госпиталь своего рода дом, где вся жизнь подчинена строгому, неизменному порядку, что дает ощущение стабильности. А вас тоже пугает возвращение домой?

Оно растерянно заморгала, потом неловко улыбнулась и медленно проговорила:

– Пожалуй, нет. А с вами нужно держать ухо востро, верно?

– Мне это уже говорили, – обезоруживающе улыбнулся в ответ Майкл.

– Обращайтесь, если вам что-нибудь понадобится. Через несколько минут мое дежурство закончится, но около семи я вернусь.

– Спасибо, сестра, но, думаю, помощь мне вряд ли потребуется.

Ее изучающий взгляд задержался на его лице, и она кивнула.

– Да, пожалуй, вы справитесь.

Глава 2

Ужин наконец-то привезли: из подсобного помещения, где хранили провизию и посуду, доносилось звяканье. Вместо того чтобы прямо отправиться к себе в кабинет, Онор отправилась в подсобку и, приветливо кивнув дежурному, спросила, доставая тарелки из буфета.

– Что у нас сегодня?

Санитар протяжно вздохнул.

– Надо думать, овощное рагу с мясом, сестра.

– «Надо думать»? Стало быть, в основном капуста?

– Я бы сказал, картошка: сильно смахивает на пюре, – а вот десерт очень даже ничего, что-то вроде клецок с патокой.

– Все лучше, чем ничего, верно? Удивительно, насколько богаче стал наш рацион за последние полгода.

– Ваша правда, сестра! – с жаром закивал санитар.

Сестра Лангтри повернулась было к примусу, на котором обычно разогревала пищу перед раздачей, но краем глаза заметила вдруг какое-то движение у себя в кабинете. Поставив бесшумно тарелки на стол, она вышла в коридор и на цыпочках приблизилась к кабинету.

Люс склонился над ее столом, в руках у него был распечатанный конверт с историей болезни Майкла.

– Положите бумаги на место!

Даггет без малейшего смущения, словно поднял конверт случайно, без всякого умысла, повиновался. Если он и доставал документы из конверта, то уже прочитал их. Глядя на Люса, Онор не могла понять это. В том-то и заключалась сложность: в Люсе уживалось столько личностей, что он и сам подчас не понимал, какая из них взяла верх. Разумеется, он всегда мог убедить себя, что не сделал ничего дурного. С виду он казался честнейшим человеком, которому и в голову не придет что-то вынюхивать, пускаться на хитрости или пакостничать исподтишка, но в действительности за ним грехов водилось немало.

– Что вам здесь понадобилось, Люс?

– Хотел попросить разрешения задержаться после отбоя, – не задумываясь, ответил он.

– Простите, но в этом месяце вы уже свой лимит исчерпали, – холодно отрезала сестра. – Вы прочли бумаги?

– Сестра Лангтри, как вы могли подумать? Разве я способен на такое?

– Когда-нибудь я вас поймаю с поличным, так и знайте. А сейчас, раз уж вы оказались в этой части барака, поможете мне с ужином.

Прежде чем выйти из кабинета, Онор, проклиная себя за небрежность, заперла конверт в ящике стола. Такого за все годы работы с ней еще не случалось. Ей следовало сначала убрать документы, а потом уже показывать Уилсону палату. Возможно, он и прав: слишком долго шла эта война, в конце концов усталость берет свое, и начинаешь совершать ошибки.

Глава 3

– Господь милосердный, благодарим тебя за пищу, что послал нам, – произнес Бенедикт почти в полной тишине и поднял голову.

Только Люс, словно глухой, оставил без внимания призыв присоединиться к молитве и начал есть сразу, как только уселся за стол. Остальные дождались, когда Бенедикт завершит молитву, и только потом взялись за ножи и вилки, чтобы управиться с сомнительного вида варевом, разложенным по тарелкам. Их не смутила набожность Бенедикта, как не обескуражило и откровенное пренебрежение Люса. Если поначалу этот ритуал и был кому-то в новинку, то уже давно стал обыденностью, глядя на сотрапезников, заключил Майкл. Стряпня местного повара хоть и выглядела не очень презентабельно, но оказалась вполне съедобной. А вот что уж было действительно невиданной роскошью, так это десерт.

Майкл давно взял себе за правило, попадая в новое окружение, наблюдать за людьми и делать выводы. Это вошло у него в привычку, стало своего рода способом выживания, а заодно и игрой. Он заключал пари сам с собой и делал воображаемые ставки на правильность своих умозаключений, отдавая предпочтение мысленному спору и не желая признавать, что в действительности последние шесть лет на кону стояла его жизнь.

Конечно, в бараке «Икс» компания подобралась странноватая, но Майкла это не удивляло: люди как люди, пытались ужиться с братьями, но преуспели в этом не больше других. Если они похожи на него, то, должно быть, невыносимо устали от войны и от людей, да, от людей.

– Как вас занесло в отделение «Икс», мистер Уилсон? – спросил вдруг Бенедикт.

Майкл отложил ложку, поскольку все равно уже доел сладкое, и вынул из кармана жестянку с табаком.

– Я едва не убил одного малого. – Достав книжечку папиросной бумаги, он вырвал из нее листочек. – Если бы мне не помешали, я бы его прикончил.

– Это ведь не был неприятель, как я понимаю? – уточнил Нил.

– Нет, речь о нашем полковом старшине.

– И это все? – подал голос Наггет с набитым ртом, а когда попытался проглотить пищу, лицо его исказила невероятная гримаса.

Майкл обеспокоенно нахмурился.

– Эй, что с вами?

– Просто у меня хиатальная грыжа, – ответил Наггет тоном обреченного на смерть. – Такое случается всякий раз, когда я глотаю.

Наггет объявил об этом с величайшей торжественностью и с таким же благоговением, с каким Бенедикт творил свою коротенькую молитву. Майкл заметил, что остальные, и даже Люс, добродушно усмехнулись. Похоже, они любили этого парнишку с заостренным, как у хорька, лицом.

Свернув и закулив папиросу, Майкл заложил руки за голову, откинулся назад на деревянной скамье без спинки и задумался, что за люди его окружают. Приятно было оказаться в незнакомом месте, где столько незнакомых лиц. После шести лет службы в одном батальоне ты уже по запаху можешь сказать, кто из твоих братьев по оружию испортил воздух.

Слепому было, наверное, хорошо за тридцать, говорил он мало и не требовал к себе внимания в противоположность Наггету, который, похоже, стал здесь своеобразным талисманом, решил Майкл. В каждой компании есть такой талисман – человек, который приносит удачу. Почему же барак «Икс» должен быть исключением?

Люс Майклу определенно не понравился, но, похоже, он не нравился здесь никому. Судя по всему, он, как и Наггет, никогда не видел войну из солдатского окопа. Майкл никому не

пожелал бы через это пройти, но те, кто прошел, были другими, и дело здесь не в храбрости, не в силе и не в твердости духа. Эти качества не появятся на передовой, если их не было изначально, а если были – война не сможет их вытравить. Ужас войны уходит корнями глубже. Это куда более сложное чувство. Ценность человеческой жизни осознается лишь тогда, когда посмотришь в глаза смерти. Война показывает человеку, что миром правит слепой случай. Он один решает, кому жить, а кому умереть. Война заставляет каждого осознать всю меру своего эгоизма, когда униженно благодаришь судьбу за то, что, расправившись с другими, смерть пощадила тебя, приберегла на время предназначенную тебе пулю. Начинаешь цепляться за суеверия, хотя и понимаешь, что среди крови и грязи человек превращается в животное, а для тех, кто распоряжается его армейской судьбой, он всего лишь статистическая единица...

Заговорил Нил, и Майкл заставил себя прислушаться. Капитан с первого взгляда внушал к себе уважение. Одетый в полевую форму войск пустыни, он держался как настоящий солдат, прошедший через всю войну.

– ...так что, насколько я понимаю, у нас в запасе еще около двух месяцев.

Майкл слушал вполуха, но уловил, что речь идет о том, сколько еще просуществует отделение «Икс». Он с интересом переводил взгляд с одного лица на другое, пока ум его пытался осмыслить неожиданное открытие: новость о скором возвращении домой испугала и расстроила обитателей барака. Слепого Мэта буквально трясло от ужаса! «Да они и вправду со странностями», – подумал Майкл, вспомнив слова сестры Лангтри о том, что многие боятся ехать домой.

Сестра Лангтри... Сержант Уилсон так давно не имел никаких дел с женщинами, что не мог сказать с уверенностью, какие чувства она у него вызывает. Эта война перевернула все с ног на голову, но Майклу трудно было свыкнуться с мыслью, что женщина способна занимать руководящую должность. Кроме того, насколько ему помнилось, до войны женщины не были настолько уверенными в себе. Несмотря на всю свою доброту, внимание и заботу, сестра привыкла командовать и без малейшего смущения демонстрировала мужчинам свою власть. Нет, она, конечно, не была драконом в юбке, но Майкл все же ощущал неловкость рядом с женщиной, которая, похоже, допускала, что они говорят на одном языке и думают одинаково. Он не мог даже утешить себя мыслью, что повидал на войне побольше ее: вполне возможно, сестра Лангтри сама провела под огнем большую часть войны. Она носила на погонах серебряные звездочки капитана корпуса медсестер, а это довольно высокий ранг.

Мужчины из барака «Икс» ее обожали. Когда она впервые привела его на веранду, Майкл тотчас почувствовал их молчаливый протест, враждебную настороженность, с которой законные владельцы придирчиво разглядывают возможного нового пайщика. Наверное, это ревнивое чувство и стало причиной их взбалмошных, капризных выходок. Что ж, напрасно они вполножились. Если Нил говорил правду, то, похоже, ни один из них не задержится в госпитале надолго, а значит, никому не придется утверждать свое первенство и отвоевывать почетное место у кормушки. Майкл хотел лишь одного: покончить с войной и армией, вычеркнуть из памяти все воспоминания о шести годах службы, которая уже близилась к концу.

Мысль перебраться на базу номер пятнадцать он принял с воодушевлением, однако ему вовсе не улыбалось провести следующие два месяца, слоняясь без дела по бараку: когда слишком много свободного времени, начинаешь думать, думать... и вспоминать. Он был совершенно здоров и сохранил ясный рассудок – это знал и он сам, и те, кто принял решение отправить его сюда, – но что касается этих бедняг из барака «Икс», то они действительно страдают душевным расстройством: Майкл видел это по их лицам, слышал в голосах. Со временем он, конечно, узнает, почему, как это вышло, а пока достаточно было сознавать, что все они не в себе и меньше, чем он мог сделать, – принести хоть какую-то пользу.

Решение принято, и когда последний из пациентов доел свой десерт, Майкл поднялся из-за стола, собрал в стопку грязные эмалированные тарелки и отправился в подсобку.

Глава 4

За день сестра Лангтри не меньше шести раз пересекала из конца в конец территорию госпиталя от общежития медсестер до барака «Икс», и последние две прогулки приходилось совершать уже в темноте. Днем Омор с радостью пользовалась случаем размять ноги, но с наступлением сумерек чувствовала себя неуютно. В детстве она отчаянно боялась темноты, не желала спать без ночника, но потом, конечно, научилась справляться с собой, подавлять этот беспричинный страх. И все же когда шла впотьмах мимо госпитальных барачков, она старалась занять голову какими-нибудь мыслями, и освещала себе путь фонариком. Лучик света разгонял зловещие, грозные тени, подступавшие со всех сторон, и страх отступал.

В день появления в госпитале Майкла Уилсона Омор покинула барак «Икс», когда мужчины сели ужинать, и тоже направилась в столовую поесть. Теперь она возвращалась обратно, и кружок света от ее фонарика скользил по дорожке впереди. Наступало ее любимое, самое приятное время – несколько часов до отбоя. В этот вечер ее переполняло радостное нетерпение: новый пациент всегда вызывал особый интерес, требовал к себе обостренного внимания, напряженной работы мысли.

По пути в барак Омор задумалась о том, какой разной бывает боль. Казалось, прошла вечность с тех пор, как матрона, главная медсестра, отправила ее в «Икс». Как ни убеждала она эту твердокаменную даму, что у нее нет опыта работы с душевно больными пациентами, что она испытывает страх перед ними, ничего не помогало. Тогда в этом назначении ей виделось наказание, пощечина от армии вместо благодарности за годы службы на фронтовых эвакуационных пунктах. Там была другая жизнь: палатки, земляные полы, пыль, когда стоит сушь, и грязь, когда льют дожди и воздух напитан сыростью. Она старалась не заболеть, не показывать слабость, чтобы исполнить свой сестринский долг, а климат, изнурительный труд и суровая походная жизнь безжалостно перемалывали ее в своих жерновах. Чудовищный таран из ужаса и боли крушил все на своем пути день за днем, неделю за неделей, и так тянулись годы. Но тогда боль была иной. Она могла безутешно рыдать над солдатом с оторванной рукой или над другим, чьи разбросанные внутренности липкой массой покрывали землю, в то время как сердце остановилось навсегда в уже ледяной грудной клетке. Но все это было данностью. Тех, чья жизнь оборвалась, уже не вернуть. Она латала, что могла залатать, оплакивала тех, кому уже не помочь, и все шла и шла вперед, оставляя позади прошлое.

Попавших в отделение «Икс» терзала боль совсем иного рода, та, что поражает душу и разум. Люди ее не понимали, зачастую смеялись над ней или просто отмахивались от нее. Сестра Лангтри только теперь поняла, почему чувствовала себя оскорбленной этим назначением. Боль физическая, ранения и увечья, полученные в бою, обычно раскрывают лучшие стороны человека: героизм, мужество, духовную силу. Сколько таких молодых героев, искалеченных войной, прошло перед ее глазами за годы службы на полевых эвакуационных пунктах! Это едва ее не сломало. Но в психическом расстройстве нет ничего героического, нервный срыв воспринимается как изъяс, свидетельство слабости характера.

В таком вот нерадостном расположении духа и пришла Омор в барак «Икс»: возмущенная, с поджатыми губами, готовая едва ли не возненавидеть своих пациентов. Лишь верность профессиональной этике и добросовестное отношение к обязанностям не позволили ей замкнуться в упрямом предубеждении, заставили пересмотреть свои взгляды. В конце концов, пациент есть пациент: больной рассудок, как и больное тело, нуждается в лечении.

Твердо решив, что никто не обвинит ее в халатности, она стойко выдержала несколько дней в отделении «Икс», однако ограничиться лишь старательным надзором за больными Омор Лангтри не смогла, и помешало ей равнодушие к их судьбе. Она поняла вдруг, что на базе номер пятнадцать никому нет дела до пациентов из «Икса». Душевнобольные встречались

нечасто в прифронтовых госпиталях вроде этого: медики здесь едва справлялись с потоком раненых, им некогда было заниматься психическими расстройствами. Большинство мужчин, попавших в барак «Икс», перевели сюда из других отделений так же, как Наггета, Мэта и Бенедикта. Пациентов с тяжелыми нарушениями психики, как правило, отправляли домой, в Австралию, а в барак «Икс» поступали менее буйные, больные с не столь явно выраженными симптомами. В армии психиатры были редкостью, к полевым госпиталям вроде пятнадцатой базы их не прикрепляли – во всяком случае, сестре Лангтри видеть такое не доводилось.

Поскольку пациентам барака «Икс» сестринский уход требовался разве что в крайне редких случаях, всю свою неиссякаемую энергию и живой, острый ум – качества, которые сделали ее прекрасным специалистом, – она направила на изучение проблемы под названием «боль Икс». Онор решила основательно разобраться в природе боли, от которой страдают обитатели отделения, чтобы приобрести принципиально новый профессиональный опыт.

Боль «Икс» – мучительное напряжение ума, далекое от интеллектуального осмысления. Расплывчатая, коварная, она зиждется на воображаемых абстракциях. И все же боль эта вполне реальна и не менее губительна для организма, совершенно здорового во всех остальных отношениях, чем физическая боль или увечье. Бессмысленная гнетущая тревога, острое беспокойство и опустошенность изматывают, разрушают человека, а восстановление идет крайне медленно – обычные раны затягиваются куда быстрее. Боль «Икс» – наименее изученная область медицины.

Сестра Лангтри внезапно обнаружила, что испытывает искренний жгучий интерес к пациентам барака «Икс», ее завораживало бесконечное разнообразие форм болезни. К тому же она открыла в себе дар приносить им облегчение, когда боль терзала их сильнее всего. Конечно, у нее случались неудачи, но быть хорошей сестрой – значит продолжать бороться, пока не убедишься, что сделала все от тебя зависящее. Она сознавала, как недостает ей специального образования и знаний, но убеждалась, что само ее присутствие благотворно сказывается на состоянии большинства пациентов.

Онор узнала, что расход нервной энергии может изнурять куда сильнее, чем самый тяжелый и грубый физический труд, и научилась сдерживать себя, не спешить, проявлять не только великое терпение, но и понимание. Даже после того как удалось преодолеть в себе некоторое предубеждение против слабостей и недостатков своих подопечных, ей пришлось столкнуться с их чудовищным эгоцентризмом. Онор с юности посвятила свою жизнь деятельному, счастливому, бескорыстному служению людям, поэтому ей так трудно было осознать, что сосредоточенность ее пациентов на себе в действительности свидетельствует об утрате собственного «я». Многие она постигла на личном опыте, поскольку учить ее было некому, а литературы не хватало. По-видимому, ей на роду было написано стать сестрой милосердия, и, увлеченная, всецело преданная своему делу, влюбленная в новую работу, она не сдавалась.

Нередко, вопреки ее ожиданиям и надеждам, попытки достучаться до пациента долго оставались тщетными. Когда же наконец удавалось пробить барьер отчуждения, она часто спрашивала себя, была ли в этом и ее заслуга, хотя в душе знала, что помогла. Если бы она хоть на миг усомнилась в этом, то давным-давно всеми правдами и неправдами добилась бы перевода.

Барак «Икс» – западня, в которую она угодила, но ничуть не жалела об этом. Мало того: ей здесь нравилось.

Когда луч скользнул по краю пандуса, сестра Лангтри выключила фонарик и зашагала по дощатому скату, стараясь ступать как можно тише, насколько позволяли тяжелые ботинки.

Первая слева по коридору дверь вела в ее кабинет, крохотную, шесть на шесть футов, комнатку, сдавленную стенами, словно отсек подводной лодки; лишь два угловых окна с решетками жалюзи спасали ее от удушающей тесноты. Здесь едва помещался маленький сто-

лик, заменявший бюро, два кресла (одно для хозяйки кабинета, другое для посетителей), небольшой, сколоченный из досок стеллаж в форме буквы Г да комод с двумя деревянными выдвижными ящиками, запиравшимися на ключ, который заменял шкаф для документов. В верхнем ящике лежали картонные папки с личными делами всех пациентов барака «Икс» с момента его основания, и было их не так уж много. Сестра хранила здесь также машинописные копии медицинских карт пациентов. Нижний ящик занимали те немногие медикаменты, которые, по мнению матроны и полковника Чинстрепа, ей следовало держать под рукой: паральдегид в виде жидкости для приема внутрь и в ампулах для инъекций, фенобарбитал, морфин, сиропобразная смесь аспирина, фенацетина и кофеина, цитрат калия, суспензия магнезии, настойка опиума в аэрозоле, касторовое масло, хлоралгидрат, дистиллированная вода, плацебо и большая бутылка трехзвездочного госпитального бренди «Шато Тананда».

Сестра Лангтри сняла надвинутую на глаза шляпу и гетры, стянула армейские ботинки и аккуратно выставила их за дверь, затем задвинула под стол плетеную корзинку, в которой носила немногие личные вещи, когда бывала на дежурстве, и надела парусиновые туфли на мягкой подошве. Поскольку официально считалось, что пятнадцатая база расположена в малярийной зоне, весь персонал обязан был с наступлением темноты наглухо закутываться от подбородка до пят, отчего нестерпимая жара становилась еще невыносимее. В действительности обильное распыление ДДТ уничтожило малярийных комаров на многие мили вокруг, так что едва ли существовала реальная угроза подхватить эту болезнь, однако приказ о закрытой одежде в темное время суток все еще действовал. Некоторые наиболее эмансипированные медсестры ходили в серых форменных куртках-сафари и длинных брюках не только после заката, но и днем, уверяя, что в юбке далеко не так удобно, но те, кто, как Онор Лангтри, большую часть войны прослужили на фронтовых эвакуационных пунктах, где медсестрам строго предписывалось носить брюки, оказавшись на пятнадцатой базе, среди приволья, едва ли не в роскоши, предпочитали по возможности надевать более женственные вещи.

Вдобавок у сестры Лангтри имелось твердое убеждение, что ее пациентам приятнее видеть женщину в платье, чем в такой же полевой форме, как их собственная. Было у нее и еще одно убеждение, насчет шума: с наступлением темноты она сама всегда надевала в бараке сменную обувь и запрещала мужчинам ходить в помещении в ботинках.

На стене позади кресла для посетителей висели приколотые кнопками карандашные портреты, всего около пятнадцати. Нил изобразил на них всех пациентов барака, кого успел застать, включая и теперешних. Поднимая голову от бумаг на столе, сестра Лангтри подолгу смотрела на эту необычайно выразительную графическую летопись. Когда пациента выписывали или переводили в другое отделение, его портрет перекочевывал из центрального ряда на другое место, выше или ниже. Сейчас в центральном ряду висело пять рисунков, но хватило бы места и для шестого, вот только сестра не слишком рассчитывала, что таковой появится: пятнадцатая база доживала последние месяцы, время летело стремительно, война закончилась, гром орудий затих. Однако сегодня прибыл Майкл Уилсон, и острый, все подмечающий глаз Нила наверняка его не упустит. «Интересно, каким увидит его Нил», – подумалось Онору, и тотчас она поймала себя на том, что ждет не дождется, когда приколотый кнопкой портрет появится на стене напротив ее стола и даст ей ответ.

Она опустила руку в кресло и, подперев рукой подбородок, принялась рассматривать рисунки в центральном ряду, заявив себе с невольным самодовольством: «Они мои», – но тут же отогнала эту опасную мысль прочь.

За время работы в бараке «Икс» сестра Лангтри убедилась, что о собственном «я» придется забыть, чтобы не навредить пациентам. В конце концов, она для этих мужчин была если не вершителем судеб, то, во всяком случае, осью, вокруг которой вращалась их жизнь здесь. Поскольку хрупкое равновесие в бараке легко могло нарушиться, именно сестре Лангтри приходилось балансировать на тонкой грани, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, чтобы не

дать этому случиться, и это наделяло ее огромной властью. Она, правда, старалась не злоупотреблять этой властью и не привязываться к ней, но иногда, как вот сейчас, сознание собственного могущества вдруг вырывалось на волю и самодовольно заглядывало ей в душу. Опасная иллюзия! Хорошая медсестра не должна приписывать себе все возможные заслуги. Выздоровление пациентов – далеко не только ее заслуга. Что бы ни поразила болезнь: тело или разум, – исцеление всегда в руках Господа Бога и самого больного.

Работа – вот что ей нужно. Она поднялась, вытянула из кармана брюк приколотую булавкой бечевку с ключами, нашла нужный, отперла верхний ящик комода и достала историю болезни Уилсона.

Глава 5

Когда раздался стук в дверь и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел Нил Паркинсон, сестра Лангтри только усаживалась за стол, а конверт с документами лежал перед ней. Капитан занял кресло для посетителей и поднял на нее тяжелый взгляд. Сестра даже бровью не повела, лишь улыбнулась ему спокойно, ожидая, когда он посвятит ее в цель своего визита.

Глаза, в которые она смотрела сейчас безмятежно, никогда не выражали слепого восхищения ею или хотя бы дружеской симпатии. При каждой встрече они безжалостно разбирали ее на составные части и собирали вновь. В этом не было и тени вождения, лишь чистый восторг, с которым мальчишка вскрывает самую любимую игрушку, чтобы узнать, что там внутри. Всякий раз, приходя к ней в кабинет посидеть и поговорить наедине, Нил словно открывал ее заново, и ощущение новизны не притуплялось со временем, скорее напротив: каждый вечер приносил ему особую, неповторимую радость.

Нет, Онор Лангтри не была ослепительной красавицей и чувственность не заменяла ей красоту, зато, помимо молодости и свежести, к несомненным ее достоинствам следуют отности изумительно гладкую кожу, такую нежную, что сквозь нее чуть просвечивали голубоватые вены. Сейчас эта перламутровая кожа немного пожелтела от хинина, но ничего не поделаешь: приходилось принимать его для профилактики от малярии. На лице ее с правильными, хотя и мелковатыми чертами выделялись огромные карие глаза. Безмятежно спокойные, они яростно сверкали, стоило ей рассердиться. Фигурой она походила на подростка: хрупкая и, как ни прискорбно, плоскогрудая, с длинными стройными и вместе с тем мускулистыми ногами. Днем, когда она ходила в платье, белые крахмальные складки ее сестринского платка прелестно обрамляли лицо. По вечерам, выходя на улицу, она надевала широкополую шляпу, а в помещении ходила с непокрытой головой. Ее короткие кудрявые волосы подстригал знаковый капрал интендантской службы, а в качестве оплаты брал спиртное – часть щедрого сестринского пайка. До войны капрал работал парикмахером, поэтому его услугами пользовались многие медсестры, причем он не только стриг, но и мог сделать любую прическу.

Несмотря на сублинную внешность, сестра Лангтри обладала твердым характером и недюжинным умом. Как всякая выпускница привилегированной школы для девочек, она была достаточно образованна и весьма проникательна. Решительная, живая, точная в суждениях, она, при всей своей доброте и понимании, оставалась в душе отстраненным наблюдателем. Жизнь ее принадлежала пациентам, она преданно исполняла свой долг, но что бы ни таилось в самой глубине ее существа, этого не знал никто – душу сестра Лангтри никогда не открывала. Мало кто мог бы такое вынести, но, похоже, для Нила в этом отчасти и заключался секрет ее очарования.

Нелегко было найти верный подход к солдатам, которые за долгие годы войны почти забыли, что такое женщина. Здесь требовалось определенное мастерство, но все же она прекрасно справилась с задачей: ни разу в ее общении с мужчинами не проскользнул и малейший намек на сексуальный или романтический интерес. К ней следовало обращаться «сестра», но пациенты ласково называли ее сестричкой. Она и держала себя с ними как старшая сестра, любящая, но строгая: с ней можно было делиться самым сокровенным, а вот задавать личные вопросы не полагалось.

И только для Нила Паркинсона Онор Лангтри сделала исключение. Между ними установилось молчаливое соглашение. Они никогда ни только не говорили об этом, даже не упоминали прямо, но оба знали: когда война закончится и настанет время вернуться к мирной жизни, Нил захочет продолжения их отношений, а она не будет против.

Оба они принадлежали к самым почтенным и влиятельным семействам, их с детства учили улавливать тонкие различия и чувствовать нюансы, которые невозможно подчас свести

к понятию «долг», поэтому ни он, ни она и помыслить не могли о том, чтобы поставить личные интересы выше принятых обязательств. Они встретились во время войны, и война диктовала свои условия, не оставляя им выбора: их отношения определялись жесткими профессиональными границами, которые оба даже не пытались нарушить, – но после войны можно было забыть об осторожности.

Нил цеплялся за эту надежду с каким-то болезненным, отчаянным нетерпением. В сущности, он мечтал изменить свою жизнь, наполнить новым смыслом, потому что полюбил сестру Лангтри. Наверное, он был не таким сильным, как она, а может, в нем просто бродили страсти, ей неведомые, но ему стоило огромного труда удерживать дистанцию, не переступить проведенную ею черту. Взгляды или невзначай оброненные фразы – вот и все мелкие прегрешения, которые он себе позволял, ничего более. Его ужасала даже сама мысль, чтобы нескромно прикоснуться к сестре Лангтри или поцеловать. Нил знал: стоит перейти дозволенные границы, и она тотчас прогонит его прочь, несмотря на то, что он пациент. Женщин на фронт брали неохотно, в основном это были медсестры, а Онор Лангтри доверили ответственный пост, так что глубокие привязанности и близкие отношения с пациентами считались недопустимыми.

И все же Нил не сомневался, что между ними существует нечто вроде неписаного соглашения: не будь это так, она посчитала бы своим долгом сейчас же развеять его иллюзии.

Взросление Нила Лонгленда Паркинсона, единственного ребенка состоятельных родителей, весьма известных и уважаемых жителей Мельбурна, пришлось на сложное время в истории Австралии, благодаря чему он вырос куда большим англичанином, чем сами англичане. В его безупречном выговоре истинного лондонского аристократа не слышалось и малейшего акцента, который выдал бы австралийское происхождение. Едва успев сойти со школьной скамьи в Джилонге, он прибыл в Англию и поступил в Оксфордский университет, который и окончил с отличием, получив степень бакалавра истории. Со времен студенчества Нил не пробыл на родине и нескольких месяцев: увлеченный честолюбивой мечтой сделаться художником, из Оксфорда он устремился в Париж, а оттуда в Грецию, на Пелопоннес, где на время и осел. В его интересную, хотя и незатейливую жизнь вносили оживление лишь бурные встречи с любовницей, некой итальянской актрисой. В перерывах между изнурительными вспышками пламенной страсти он выучил греческий, и теперь владел им так же свободно, как английским, французским и итальянским. Он рисовал словно одержимый и чувствовал себя скорее приезжим англичанином, нежели австралийцем.

Женитьба не входила в его планы, он понимал, что рано или поздно придется подумать о браке, но предпочитал жить сегодняшним днем и сознательно откладывал все решения, касающиеся будущего. Когда молодому человеку не исполнилось еще и тридцати, ему кажется, что впереди целая вечность.

Все изменилось внезапно, катастрофически, в одночасье. Даже до Пелопоннеса уже докатились слухи о грядущей войне, когда Нилу пришло письмо от отца. В этом холодном, суровом послании говорилось, что легкая разгульная жизнь закончилась: сыновний долг и социальный статус обязывают Нила немедленно вернуться домой, пока это еще возможно.

В конце 1938 года ему пришлось сесть на пароход и вернуться в Австралию, в страну, которую едва знал, к людям, бесконечно далеким, чуждым родительской любви подобно викторианским благородным господам, что, впрочем, было недалеко от действительности: только речь не о королеве Виктории, а о штате с тем же названием.

Возвращение в Австралию совпало с его тридцатилетием. Даже теперь, более семи лет спустя, вспоминая тот день, Нил испытывал ледяющий ужас, что поселился в нем в прошлом мае. Отец! Безжалостный, обаятельный, лукавый, невероятно энергичный старик! Ну почему он не произвел на свет еще хотя бы парочку сыновей? Почему обзавелся всего одним ребенком,

да еще так поздно? Это тяжкое бремя – быть единственным сыном Лонгленда Паркинсона: жить в постоянном страхе не отстать от отца, вечно доказывать свою состоятельность.

Конечно, это не могло тянуться бесконечно. Если бы старик только знал, что из-за него самого сын не оправдал его надежд. Нил, в отличие от отца, никогда не жил в рабочей среде, поэтому не знал, что такое горечь унижения или стремление отвоевать себе место под солнцем. Вдобавок его угнетала холодность матери, изощренный педантизм. Нил перестал бороться, как только достаточно повзрослел, чтобы реально оценивать окружающий мир.

Несмотря на то что отец всегда был равнодушен к нему, а мать буквально душила своей бездумной, слепой заботой, он привязан к отцу был гораздо больше, чем к матери. Нил испытал безмерное облегчение, когда покинул дом, поступив в закрытую школу, и с первого же семестра в Джилонге до самого дня своего тридцатилетия следовал раз и навсегда взятому курсу. Зачем бороться, пытаясь изменить обстоятельства, если это заведомо невозможно? Лучше держаться в стороне, не обращать ни на что внимания. Когда Нил достиг совершеннолетия, к нему перешли деньги матери, которых с лихвой хватало на все его нужды. Он нашел свою нишу, жил так, как ему хотелось, вдали от Мельбурна и родителей, и был вполне счастлив.

И вот угроза войны разрушила его мир: обстоятельства сложились так, что отмахнуться от них нельзя, а держаться в стороне невозможно.

Обед по случаю дня рождения Нила проходил пышно и торжественно, список гостей изобиловал благовоспитанными юными дебютантками, которых мать сочла подходящей для него партией. В числе приглашенных были два архиепископа (англиканский и католический), член законодательного собрания штата и депутат парламента Австралии, один модный врач, высокий комиссар² Великобритании и французский посол. Разумеется, приглашения рассылала мать, а сам Нил за обедом почти не замечал ни молодых леди, ни важных гостей, даже на мать едва ли взглянул хоть раз. Все его внимание занимал отец, который сидел в дальнем конце стола и на большинство гостей смотрел с насмешкой, едва ли не с презрением, мысленно разбирая по косточкам каждого. Нил не смог бы сказать, откуда ему в точности известно, что творится у отца в голове, но на душе у него потеплело. Ему захотелось при первом же удобном случае поговорить с этим коренастым стариком, от которого он получил разве что разрез и цвет глаз – голубой.

Позднее он осознал, насколько незрелым был в ту, уже не раннюю, пору жизни, но когда мужчины наконец поднялись, чтобы присоединиться к дамам в гостиной, и отец взял его под руку, Нил, как это ни смешно, ощутил острую радость.

– Они обойдутся без нас, – фыркнул старик. – А у твоей матери появится повод посетовать, если мы исчезнем.

В библиотеке, полной переплетенных в кожу книг, которые он никогда не раскрывал и тем более не читал, Лонгленд Паркинсон уселся в кресло с высокой прямой спинкой. Сын устроился на низкой оттоманке у его ног. Даже при тусклом свете лампы, в полутьме лицо старика, изрезанное морщинами, со следами суровой жизни, проступало отчетливо. Сумрак не смягчал резкости его взгляда, острого как скальпель, жесткого, тяжелого, как у хищника. В глубине его глаз таился язвительный ум, равнодушный к людским суждениям, скупость на чувства и верность старомодной морали. Именно в этот миг Нил осознал, что его чувство к отцу не что иное, как любовь, и задумался, откуда в нем эта противоречивость, отчего ему вздумалось любить того, кому вовсе не нужна ничья любовь.

– Ты был не слишком хорошим сыном, – беззлобно проговорил старик.

– Я знаю.

– Если бы я мог предположить, что письмо заставит тебя вернуться домой, то отправил бы его давным-давно.

² Дипломатический ранг, посол страны – члена Содружества наций в другой стране Содружества.

Нил вытянул перед собой руки и присмотрелся к ним. В этих длинных, гладких, как у девушки, ладонях с тонкими пальцами было что-то детское. Так выглядят руки, которым никогда не приходилось по-настоящему работать: занятия живописью не в счет – это скорее хобби, которое не играло серьезной роли в жизни Нила.

– Я вернулся домой не из-за письма, – проговорил он медленно.

– Тогда что же? Война?

– Нет.

Даже в полумраке было видно, как вспыхнули глаза отца, а рот превратился в жесткую линию, похожую на глубокий порез.

– Никудышный я человек, – добавил Нил.

– Никудышный в чем?

Как это характерно для Лонгленда Паркинсона – не морализировать, а подходить к вопросу конструктивно.

– Художник из меня не вышел.

– Откуда ты знаешь?

– Мне так сказал человек, который знает в этом толк. – Теперь каждое слово давалось ему все легче. – Я собрал достаточно работ для крупной персональной выставки: мне почему-то всегда хотелось начать с шумного успеха, явиться и прогреметь, а не рассеивать картины по разным галереям, – и написал своему парижскому приятелю. Ему захотелось провести несколько дней в Греции, и он сам приехал взглянуть на мои работы. Особого впечатления они на него не произвели. «Очень миленько, но не более того: нет ни самобытности, ни внутренней силы, ни выразительности, подсказанной безотчетным чувством». Вот и все, что он сказал, и посоветовал мне направить свой талант в русло коммерческого искусства, попробовать себя в рекламе.

Если пожилого джентльмена и тронули страдания сына, он этого не показал: молча сидел, не опуская тяжелого, пристального взгляда, – наконец проговорил:

– Армия, пойдет тебе на пользу.

– Вы хотите сказать, сделает из меня мужчину?

– Чтобы этого достигнуть, пришлось бы действовать извне, а я говорю о том, что кроется внутри тебя. Нужно помочь этому пробиться наружу.

Нил поежился.

– А что, если внутри ничего нет?

Старик пожал плечами, и скупая равнодушная улыбка скользнула по его лицу.

– Ну, тогда нужно в этом убедиться.

О том, чтобы привлечь сына к семейному делу, не было сказано ни слова. Нил чувствовал: отца не волнует, что станет с его предприятиями, после того как он выпустит из рук власть. Безразличный ко всему на свете, Лонгленд Паркинсон вовсе не заботился о том, чтобы оставить потомкам построенную им империю, поэтому ничего не требовал от Нила, но в то же время не испытывал досады оттого, что сын не оправдал его надежд. Ему не было нужды тешить свое самолюбие требованием, чтобы сын пошел по его стопам или, подобно ему, достиг небывалых высот. Он, несомненно, знал, когда женился на матери Нила, какое потомство произведет на свет женщина вроде нее, но его это не смущало. Брак позволил ему проникнуть в высшие круги Мельбурна и с презрением поглумиться над тем самым обществом, куда он так мечтал пробиться. В этом, как и во всем, Лонгленд Паркинсон лишь потворствовал своим прихотям, заботился исключительно о собственном удовольствии.

Странно, но сейчас Нил впервые заметил в глазах отца если не любовь, то какое-то теплое чувство и глубокую жалость, и это ранило особенно больно. Старик просто не верил, что сын на что-то способен, а уж в людях он прекрасно разбирался.

Так Паркинсон-младший оказался в армии, в офицерском звании, разумеется. С началом войны его батальон в составе Австралийских имперских сил перебросили в Северную Африку, чему Нил был несказанно рад. Здесь он чувствовал себя гораздо свободнее, чем на родине, будто наконец вернулся домой. Он с легкостью выучил арабский и всеми силами старался быть полезным. Из него вышел грамотный, честный и бесстрашный офицер: солдаты его любили, начальство ценило, и впервые в жизни он мог сказать себе, что и в нем есть что-то хорошее, что и он достоин уважения. Нил, мечтая дождаться конца войны, представлял, как вернется домой таким бывалым ветераном, и отец тотчас заметит и оценит происшедшие в нем перемены. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы эти цепкие ястребиные глаза взглянули на него как на равного.

Потом была Новая Гвинея, а за ней южные острова Тихого океана, и эта война, куда более жестокая, чем в Северной Африке, пришлась ему не по вкусу. Он усвоил урок: то, что представлялось ему порой зрелости, было лишь детской забавой. В пустыне он обрел свободу, а джунгли оплели и высушили его душу, вытянули из него радость жизни, но в то же время сделали сильнее. Нил открыл в себе упорство и стойкость, о которых прежде не подозревал, а кроме того, перестал беспокоиться о том, как выглядит в глазах окружающих: все его силы отнимала борьба за выживание, забота о своих бойцах.

Все закончилось провальной кампанией в начале 1945 года, малозначимым эпизодом в общем ходе войны. Нил допустил ошибку, и по его вине пролилась кровь, погибли люди. Вся его уверенность тотчас рухнула, рассыпалась вдребезги. Это была катастрофа. Если бы его признали виновным, сурово осудили, подвергли остракизму, ему было бы легче, как он считал, но все до единого, от горсточки уцелевших в этой мясорубке солдат до старших по званию, простили ему просчет! Чем упорнее они твердили, что в случившемся нет его вины, что нет идеальных командиров и каждый может ошибиться, тем сильнее сжимала ему сердце тоска. Сражаться ему было не за что, и, словно сломанная заводная игрушка, он начал спотыкаться, наконец повалился и замер в неподвижности.

В мае 1945 года его перевели в барак «Икс», и первые дни он дрожал, точно в лихорадке, и постоянно плакал. Погруженный в беспросветное отчаяние, Нил не знал, да и не желал знать, куда его поместили, и пусть ему позволяли вести себя как вздумается, ему хотелось лишь одного: замкнуться в своей скорлупе и предаться скорби. Нарушила его уединение девушка, что неясным, расплывчатым пятном маячила рядом: посягнула на горе, которое он старательно оберегал. Ее грубое вторжение раздражало Нила до крайности. Она неотвязно преследовала его, тиранила, угрозами и даже силой заставляла принимать пищу, отказывалась признать, что его положение особое, что к нему нельзя подходить с обычными мерками. Она вынуждала его общаться с другими пациентам, в то время как он стремился укрыться в отдельной палате, загружала работой, донимала вопросами и без конца втягивала в разговоры: сначала – обо всем и ни о чем, потом – о нем самом, что нравилось ему куда больше.

Вначале осознание реальности лишь смутно шевелилось в нем, но затем начало возвращаться стремительными скачками. Ему внезапно открылся окружающий мир, он начал замечать других пациентов и даже интересоваться происходящим. Наибольшее любопытство вызвал сам барак «Икс», а также сестра Онор Лангтри.

Надо признать, поначалу эта дамочка не нравилась Нилу: казалась слишком сухой и прозаичной, а кроме того, его исключительность, похоже, не произвела на нее должного впечатления, – но когда он уже решил было, что взять с самой обыкновенной госпитальной медсестры, та начала оттаивать. Он вдруг увидел ее мягкость и нежность, давно забытые за последние годы, и готов был утонуть в этом теплом, ласковом потоке, если бы ему позволили. Только она не позволяла, никогда. Прошло время, Нил наконец почувствовал себя исцеленным, и лишь тогда осознал, как искусно, едва ощутимо она подталкивала его к выздоровлению.

Отправлять капитана Паркинсона в Австралию для дальнейшего лечения не было надобности, но и возвращать в часть тоже не имело смысла: их дивизия в последнее время не участвовала в боевых действиях, там могли обойтись и без него, поэтому командование пришло к решению оставить его в госпитале.

Затянувшийся вынужденный отдых в отделении «Икс» во многом нравился Нилу, ведь он мог быть рядом с сестрой Лангтри, которая со временем стала видеть в нем скорее коллегу, нежели пациента. Кроме того, он надеялся на более глубокие, прочные отношения с ней, никак не связанные с баракком «Икс». Но не все было столь радужно: с того дня, когда он ощутил себя здоровым, готовым продолжить службу, его стали мучить сомнения. Почему начальство не хочет, чтобы он вернулся в часть? И Нил нашел для себя ответ: потому что ему больше нельзя доверять. А что, если война вдруг вспыхнет с новой силой, а он не сможет принять правильное решение?

Хоть все вокруг это отрицали, Нил знал, почему после пяти с лишним месяцев по-прежнему оставался пленником барака «Икс». Истинная причина состояла в том, что его невроз не прошел, а принял форму болезненной неуверенности в себе. Если бы война продолжилась, то его, наверное, вернули бы в часть, назначив испытательный срок, и скорее всего он прекрасно справился бы. Трагедия Нила заключалась в том, что война закончилась, враги сложили оружие, и возможности исправить ошибку не представилось.

Паркинсон прочел имя на лежавших перед сестрой Лангтри документах и поморщился.

– Какой смысл был отправлять его сюда, если госпиталь вот-вот закроют?

– Конечно, это совершенно неожиданно. Да и, честно говоря, мне не показалось, что у него есть какие-то отклонения.

– Тут я с вами не согласен. Он напоминает попугая, напичканного избитыми фразами.

Вздвогнув от неожиданности, сестра Лангтри отвернулась от окна и посмотрела на Нила. Впервые он проявил агрессию к человеку, которого совершенно не знал.

Это почему-то ее задело, и она возразила чуть эмоциональнее, чем следовало, удивив не только Нила, но и себя саму:

– А по-моему, он выглядит как мужчина.

– Что я слышу, сестра Лангтри! – воскликнул Нил. – Похоже, он очаровал вас? Никогда бы не подумал, что такие, как этот сержант, в вашем вкусе!

Она тотчас взяла себя в руки и рассмеялась:

– Ваши уколы на меня не действуют, Нил! Это недостойно вас, мой дорогой друг. Вы сейчас ведете себя, как Люс, и это не комплимент. Почему вы так суровы к этому бедняге?

– Я просто ревную, – пошутил Паркинсон, доставая из кармана гладкий массивный золотой портсигар – явно дорогую вещь, украшенную в уголке его инициалами.

Кроме него, никто в бараке не курил фабричных сигарет, но к этому времени других офицеров здесь уже не осталось.

Нил щелкнул крышкой портсигара и предложил сестре сигарету. Онор вздохнула, но не отказалась, и он поднес ей огонек зажигалки.

– Ах, вы коварный искуситель! Опять я курю с вами на дежурстве. Старшая сестра меня повесит, затем выпотрошит и четвертует, если узнает. Вдобавок я собираюсь через минуту выставить вас за дверь. Мне нужно изучить эти документы до прихода полковника Чинстрепа.

– О боже! Только не говорите, что нам придется весь вечер терпеть его общество!

Сестру Лангтри позабавили его слова.

– Ну, вообще-то, не вам, а мне.

– И что же могло заставить нашего доблестного полковника пуститься в дальний путь через всю территорию госпиталя, да еще и в темноте?

– Мистер Уилсон, конечно же. Я позвонила ему и попросила прийти, поскольку никаких инструкций относительно Майкла не получила. Не понимаю, почему он здесь, на пятнадцатой

базе, да еще и в отделении «Икс». Лично меня это ставит в тупик. – Омор устало вздохнула и с трудом сдержала зевок. – День сегодня выдался нелегкий.

– Как, впрочем, и каждый в «Иксе», – мрачно заметил Нил, наклоняясь, чтобы стряхнуть пепел в оружейную гильзу, которой сестра пользовалась как пепельницей. – Мне ли это не знать. Другие приходят и уходят, а я уже почти пять месяцев торчу здесь, словно цветок в горшке с землей, болтаюсь без дела и, похоже, конца этому не будет.

Вот она, боль «Икс», терзавшая их обоих. Мучительно было наблюдать, как страдают пациенты, и сознавать, что не в ее власти устранить источник страдания, ибо он коренится в их душевном расстройстве. Когда-то сестра Лангтри с горечью поняла, что ее усилия приносят щедрые плоды на острой стадии болезни, но чаще всего становятся тщетными в изнурительно долгий период до полного выздоровления.

– Вы ведь знаете, что пережили тяжелый нервный срыв, – как можно мягче проговорила Омор, сознавая, сколь неутешительны ее слова.

Она уже предчувствовала начало неоднократно повторявшегося разговора: Нил будет казнить себя за слабость, а она попытается, и скорее всего безуспешно, его разубедить: объяснить, что он ошибается, укоряя себя в слабости.

Нил презрительно фыркнул.

– Я давным-давно оправился после срыва, и вам это известно.

Вытянув перед собой руки, он сжал кулаки, так что мускулы вздулись буграми. Он и не подозревал, что, наблюдая за этой маленькой сценкой проявления физической силы, Омор ощутила вдруг прилив желания, иначе, возможно, отважился бы закрепить их отношения поцелуем или даже чем-то большим, но лицо сестры Лангтри никогда, ни при каких обстоятельствах не выдавало ее мыслей.

– Может, я больше не гожусь в солдаты, – продолжил Нил, – но наверняка мог бы принести хоть какую-то пользу! Ох, сестра, я так устал от барака «Икс»! Ужасно, смертельно устал. Я не душевнобольной.

Эта горестная жалоба тронула Омор, как бывало всегда: она сочувствовала всем своим подопечным, но Нилу Паркинсону в особенности, – и ей пришлось опустить голову и на мгновение прикрыть глаза, чтобы не выдать своих чувств.

– Ждать осталось недолго. Война закончилась, все мы скоро вернемся домой. Знаю, это вовсе не то, что вам нужно, и понимаю почему, но постарайтесь мне поверить: как только вырветесь отсюда и смените окружение, вам будет чем заняться, и вы быстро освоитесь.

– Но как я могу вернуться домой, к женщинам и детям, что по моей вине лишились мужей и отцов? Что, если я встречу вдову кого-нибудь из своих солдат? Что я ей скажу? Как мне смотреть ей в глаза?

– Вы найдете нужные слова и поступите правильно, Перестаньте, Нил. Это лишь фантомы, плод вашего воображения. Вы терзаете себя, потому что вам нечем заполнить время в бараке. Мне неприятно вам это говорить, но перестаньте наконец себя жалеть!

Однако Нил слушать ничего не желал и все глубже погружался в свою тоску, словно самобичевание доставляло ему какое-то извращенное удовольствие.

– Мое неумелое командование стоило жизни более чем двадцати бойцам, сестра Лангтри! Их вдовы и сироты отнюдь не фантомы, уверяю вас.

В таком сильном волнении и расстройстве сестра Лангтри не видела его уже давно. Вероятно, сыграло роль появление Уилсона. Она прекрасно понимала, что поведение Нила в тот день связано не только с ней: прибытие новичка всегда нарушало покой в бараке и тревожило старожилов. Кроме того, Майкл не принадлежал к породе ведомых и, похоже, не собирался признавать главенство Нила и подчиняться ему, а тот привык именно к такому поведению окружающих и диктовал пациентам свои правила.

– Вам придется переступить через это, Нил! – заметила Онор резко. – Вы прекрасный, достойный человек, отличный офицер, пять лет безупречно несли службу. Ведь до сих пор не установлено, что именно ваша ошибка привела к гибели людей. Вы солдат, вам хорошо известно, насколько сложно все предусмотреть. Прошлого не исправить! Ваши люди погибли, и меньшее, что вы обязаны сделать в память о них, – жить в полную силу. Чем вы можете вдовам и сиротам, если будете сидеть здесь и сокрушаться, жалея не их, а себя самого? Никто не давал вам письменной гарантии, что жизнь всегда будет складываться так, как нам бы хотелось. Приходится просто мириться с тем, что есть, хорошо это или плохо. Вы сами знаете! Довольно.

Настроение у Нила заметно поднялось. Он широко улыбнулся, взял сестру за руку и прижался щекой к ладони.

– Ладно, сестричка, я вас понял. Постараюсь быть пай-мальчиком. Не представляю, как вам это удастся. Думаю, дело тут не в словах, а в вашем лице. У вас всегда получается прогнать боль. Если бы вы только знали, как много значит для меня ваше присутствие в этой богадельне. Без вас... – Он пожал плечами. – Я даже вообразить не могу это место без вас.

Он сказал, что ей всегда удастся прогнать боль, но она понятия не имела как! Ведь одних добрых дел недостаточно. Ее разум пытался вывести магическую формулу исцеления, но та всякий раз ускользала.

Сестра Лангтри нахмурилась, всматриваясь в лицо мужчины, что сидел по другую сторону крошечного стола. Разумно ли было поощрять его, принимая редкие знаки внимания? Ах, если бы можно было разьединить чувства и долг! Что, если, сближаясь с Нилом, она в действительности не помогает ему, а только вредит? Взять, к примеру, сцену, что сейчас разыгралась: в какой мере это лишь уловка, чтобы привлечь ее внимание? В их отношения вторглись чувства: Нил стал для нее прежде всего мужчиной, не пациентом, – и это мешало ей быть объективной и ровной со всеми. Она все чаще стала ловить себя на том, что думает больше о будущем, хотя именно настоящее требовало ее внимания и на нем следовало сосредоточить все свои силы. Надо признать, мирное время открывало перед ней массу самых соблазнительных возможностей: это и отношения с Нилом, и даже, возможно, брак, – но думать об этом здесь и сейчас было неправильно, несвоевременно.

Нил привлекал ее как внешне, так и внутренне. Они принадлежали к одному кругу, их многое связывало, у них было много общего, так что дружба их казалась вполне естественной. Ей нравилось в нем все: образованность, интеллект, широта кругозора. Нил, можно сказать, восхищал ее, если не считать его непреходящей болезненной одержимости самим собой. Когда он настойчиво возвращался к кровавой бойне и твердил, будто с того дня вся его жизнь наполнена безысходной тоской, унынием и мраком, Онор слабо верилось, что в мирное время у них сложатся прочные отношения. Она не хотела связывать свою жизнь с мужчиной эмоционально искалеченным, даже если его ущербность понятна и объяснима. Партнер должен быть равным ей, а не цепляться за нее и поклоняться как божеству.

– Для того я и здесь, чтобы избавлять от боли, – беззаботно произнесла Онор и мягко высвободила руку, стараясь не задеть его чувства. Медицинская карта Майкла все еще лежала перед ней на столе, и она взглядом указала на нее. – Простите, что приходится прерывать наш разговор, но меня ждет работа.

Нил поднялся и с просительными нотками в голосе поинтересовался:

– Но ведь оформление нового пациента не мешает вам зайти к нам позже, правда?

Онор удивленно взглянула на него:

– Конечно, нет! Разве я когда-нибудь пропускала вечернюю чашку чая в палате?

Глава 6

Полковник Уоллес Доналдсон, освещая себе путь фонариком, брел в дальний конец территории госпиталя, не в силах отделаться от обуревавших его возмущения и досады. Ну и обращение! Какое безобразие! Война закончилась, и в затемнении уже не было нужды, но командир базы не мог распорядиться, чтобы хоть немного прибавили света! Госпиталь окутывала тьма, бараки казались необитаемыми, за слепыми черными окнами не светило ни единого огонька.

За последние полгода госпиталь при базе номер пятнадцать заметно обезлюдел, однако продолжал занимать прежнюю территорию, словно изрядно похудевший толстяк, который за неимением средств на новую вынужден носить старую, ставшую для него слишком большой одежду. Госпиталь строили американцы, но уехали, оставив кое-какие постройки незаконченными и лишь отчасти меблированными, а исправлять недоделки оставили австралийцам, что двигались все дальше на запад через Ост-Индию.

В свои лучшие дни госпиталь вмещал до пятисот пациентов, так что три десятка офицеров медицинской службы и полторы сотни медсестер сбивались с ног, а свободный от дежурства вечер представлялся им несбыточной мечтой. Теперь же пациенты занимали лишь полдюжины барачков, в том числе, разумеется, и барак «Икс», стоявший у самого края обширной пальмовой рощи, владелец которой, голландец, заработал на копре солидное состояние. Из трех десятков офицеров медицинской службы осталось лишь пять хирургов да столько же врачей различного профиля, включая единственного патологоанатома, а по просторным спальням среднего персонала торопливо сновали всего тридцать медсестер.

Полковника Доналдсона как невролога назначили в отделение «Икс», когда пятнадцатая база перешла в руки австралийцев. Ему вечно доставались психически неуравновешенные бедняги, что всплывали на поверхность, словно пена в кипящем котле, как снимают шумовкой накипь, и их отправляли в «Икс».

До войны полковник Доналдсон стремился утвердиться на Маккуори-стрит, отвоевать себе местечко на самой престижной арене капризного мира медицины Сиднея. В 1937 году, пока человечество пыталось выкарабкаться из Великой депрессии, удачные биржевые спекуляции принесли Доналдсону хорошие деньги и позволили приобрести практику на вожделенной Маккуори-стрит. Большие гонорары из самых крупных клиник уже потекли рекой в его карманы, когда Гитлер вторгся в Польшу. С того дня многое изменилось. Иногда полковник Доналдсон со страхом спрашивал себя, возможно ли, что все вернется на круги своя и будет как раньше, до 1939 года. Глядя на мир со дна преисподней под названием «база номер пятнадцать», последнего из череды дьявольских мест, где он успел побывать, полковник сомневался, что хоть что-нибудь теперь станет прежним, даже он сам.

Семья его занимала весьма высокое положение в обществе, хотя за годы Великой депрессии фамильное состояние Доналдсонов пугающе убавилось. По счастью, брату Уоллеса, биржевому маклеру, удалось это исправить и вернуть утраченные богатства. Как и Нил Паркинсон, полковник говорил по-английски без малейшего австралийского акцента, за его плечами остались колледж Ньюингтон³ и Сиднейский университет, но дальнейшее медицинское образование он получил в Англии и Шотландии, поэтому ему больше нравилось думать о себе как об англичанине, чем как об австралийце. Не то чтобы он стыдился быть австралийцем, просто ему казалось, что считаться англичанином престижнее.

Если он кого-то и ненавидел, то, без сомнения, ту самую женщину, к которой сейчас направлялся: сестру Онор Лангтри, жалкую козьявку лет тридцати, если не моложе, с дипломом медсестры, но без армейской выучки, хоть она и служила в армии с начала 1940 года, как

³ Элитарная школа для мальчиков в пригороде Сиднея, основанная в 1863 г.

ему было известно. Дамочка эта была для него загадкой. Судя по безупречному выговору и правильной речи, она получила прекрасное воспитание и образование, а на медсестру выучилась в Королевской больнице принца Альфреда, где готовили блестящих специалистов. Держалась эта нахалка без должной почтительности, словно вовсе не сознавала, что, по существу, ей отведена роль прислуги. Если уж быть честным перед самим собой, сестра Лангтри пугала Доналдсона до смерти. Всякий раз перед встречей с ней он долго собирался с духом – неважно, о чем пойдет речь. Эта женщина всегда ухитрялась с такой свирепостью вынести ему мозг, что он долго потом не мог прийти в себя.

Его раздражало буквально все, что было с ней связано, даже ширма из пивных крышек. Нигде больше не разрешили бы повесить нечто подобное, только здесь. Даже матрона, мерзкая неотесанная ведьма, всегда с большой опаской входила в барак «Икс». Когда-то, в первые дни существования госпиталя, одному из пациентов надоело слушать ее долгие наставления сестрице Лангтри, и он расправился с нею весьма простым и действенным способом: просто подскочил и разорвал ее форменное платье от ворота до подола. Конечно, его признали буйнопомешанным и сейчас же отправили в Австралию, но после этого происшествия матрона – она же старшая медсестра – старалась не задевать обитателей барака «Икс» и как можно реже туда заглядывать.

Лампа в коридоре осветила высокую фигуру полковника Доналдсона, щеголеватого мужчины лет пятидесяти, с густо-багровым, в синеватых прожилках лицом, выдававшим пристрастие к выпивке. Его щеки и подбородок были гладко выбриты, а тщательно ухоженные седоватые, со стальным отливом усы – подстрижены на военный манер. Войдя в барак, полковник снял фуражку, и на его сальных седых волосах, уже не густых и не пышных, осталась вдавленная полоска от околыша. Лицо Доналдсона с бледно-голубыми, слегка навывкате глазами сохранило следы былой красоты, как и широкоплечая подтянутая фигура с почти плоским животом. В строгом костюме безукоризненного покроя он некогда выглядел весьма представительным мужчиной, а уж теперь, в безупречно сшитом военном мундире, смотрелся и вовсе не хуже фельдмаршала.

Сестра Лангтри вышла навстречу Доналдсону, проводила к себе в кабинет и предложила кресло для посетителей, однако сама не села. «Одна из ее уловок, – с отвращением подумал полковник. – Любым способом верховенствовать».

– Прошу прощения, что вытащила вас сюда, сэр, но сегодня поступил новый пациент. – Она указала на документы, лежавшие на столе. – А поскольку никаких инструкций от вас не поступило, я решила, что вам об этом неизвестно.

– Сядьте, сестра, сядьте! – рявкнул полковник, словно отдавал команду непослушной собаке.

Онор беспрекословно опустилась в кресло и сейчас напомнила ему юного курсанта офицерской школы в своих серых форменных брюках и куртке. На лице ее ничего не отразилось. Первый раунд остался за сестрой Лангтри: она спровоцировала его на грубость.

– Нет, я не хочу читать это сейчас! – раздраженно пробурчал полковник, когда эта несносная женщина молча протянула ему бумаги. – Перескажите мне вкратце самую суть.

Сестра Лангтри с любопытством, без всякой злости, посмотрела на него. После знакомства с Доналдсоном Люс дал ему прозвище Чинстреп⁴, и оно оказалось таким метким, что приклеилось намертво. Интересно, догадывался ли он, что на базе номер пятнадцать все до единого звали его за глаза только так, и не иначе, подумала сестра Лангтри и решила, что нет. Он не смог бы смириться с этим оскорбительным прозвищем.

⁴ Персонаж юмористической программы Би-би-си (1939–1949). «И снова все тот же человек», тип жизнерадостного весельчака, любителя выпить.

– Речь идет о сержанте Майкле Эдуарде Джоне Уилсоне, которого я буду называть Майклом, – произнесла она ровным тоном. – Возраст – двадцать девять лет; в армии – с самого начала войны; прошел Северную Африку, Сирию, Новую Гвинею и острова южной части Тихого океана. Несмотря на то что повоевал он достаточно, никаких признаков психического расстройства у него нет. Похоже, честно выполнял свой долг, храбро сражался, поскольку имеет боевые награды, и среди них – медаль «За безупречную службу». Три месяца назад его единственный близкий друг погиб в жестокой схватке с врагом, и после этого Майкл замкнулся в себе.

Полковник Чинстреп испустил протяжный страдальческий вздох.

– Переходите к делу, сестра.

Она продолжила недрогнувшим голосом:

– Психическое расстройство у Майкла начали подозревать после неприятного происшествия в лагере, случившегося неделю назад. Между ним и неким унтер-офицером вспыхнула драка, что было крайне необычно для них обоих. Если бы другие солдаты не подоспели на помощь и не оттащили сержанта, тот полковой старшина был бы теперь мертв. После инцидента Майкл не пожелал ничего объяснять, и, напротив, заявил, что хотел убить того человека и убил бы, если б ему не помешали. Он не хотел ни оправдываться, ни уменьшать степень своей вины: только снова и снова повторял это, не добавляя ни слова.

Когда командир батальона попытался выяснить причину конфликта, Майкл отказался отвечать, а старшина, напротив, оказался на редкость словоохотливым и обвинил Майкла в гомосексуальных домогательствах, а заодно потребовал, чтобы его судил трибунал. Судя по всему, погибший друг действительно обнаруживал склонность к однополым связям, что же до Майкла, мнения о нем решительно разделились. Полковой старшина и его сторонники утверждали, будто эти двое были любовниками, однако подавляющее большинство солдат так же твердо уверяли, что их связывала лишь дружба, а Майкл вдобавок всегда заступался за своего покойного приятеля.

Командир батальона хорошо знал всех троих, поскольку они давно служили в одном полку: Майкл и его погибший друг – со дня формирования батальона, а старшина – со времен кампании в Новой Гвинее. Комбат решил, что не отдаст Майкла под трибунал ни при каких обстоятельствах, предпочел объявить, будто тот впал во временное помешательство, и приказал пройти медицинское освидетельствование. В итоге у сержанта Уилсона нашли явное психическое расстройство: что бы это ни значило, – его усадили в самолет и отправили сюда, а дежурный офицер в приемном отделении автоматически определил в барак «Икс».

Полковник Доналдсон поджал губы и смерил сестру Лангтри внимательным взглядом. Итак, она опять выбрала позицию одной из конфликтующих сторон, что весьма досадно.

– Утром проводите сержанта Уилсона ко мне в кабинет. Тогда и просмотрю его медицинскую карту. – Он поднял глаза на тусклую лампу без абажура, болтавшуюся над столом. – Не представляю, как вы умудряетесь читать при таком свете. Я бы точно не смог.

Внезапно кресло показалось ему слишком жестким и неудобным, полковник поерзал, кашлянул и, сердито насупившись, вдруг буркнул:

– Терпеть не могу истории с сексуальной подоплекой!

Он ор рассеянно крутила в пальцах карандаш, но после этой фразы ладонь судорожно сжалась в кулак.

– У меня сердце кровью обливается от сочувствия к вам, сэр, – усмехнулась сестра, даже не пытаясь скрыть сарказм. – Вообще-то сержанту Уилсону нечего делать в отделении «Икс», да и вообще в госпитале. – Голос ее дрогнул, и она нервно коснулась аккуратных каштановых завитков. – По-моему, это отвратительно, если драка и крайне сомнительные обвинения sloмают жизнь молодому человеку, который до сих пор глубоко переживает смерть друга. Представляю, каково ему сейчас: наверняка чувствует себя так, будто бредет на ощупь в жутком

густом тумане и уже не надеется выбраться на свет. Я, в отличие от вас, говорила с ним. Он совершенно здоров и в психическом отношении, и в сексуальном, и в любом другом, если вас это заботит. Скорее следует отправить под трибунал военврача, приславшего его сюда! Сержанта Уилсона лишили возможности вернуть себе доброе имя: попросту убрали с глаз долой, засунули в барак «Икс». Это позор для армии!

Полковник смешался, как бывало всегда, и почувствовал себя беспомощным перед этой несокрушимой наглостью: обычно в госпитале мужчины его ранга не сталкивались с подобным обращением. Черт побери, эта нахалка вела себя так, будто он был ей ровня как по образованию, так и по интеллекту! Наверное, всему виной офицерские звания этих армейских медсестер да еще чрезмерная независимость, которой они упиваются в таких местах, как база номер пятнадцать. От их дурацких сестринских платков мало проку, будь они неладны. Их следовало бы носить только монашкам, поскольку лишь они заслуживают обращения «сестра».

– Полно вам, сестра! – Полковник подавил закипавшую злость, призвав себя к благоразумию. – Я согласен, что обстоятельства этого дела несколько необычны, но война закончилась. Молодой человек здесь надолго не задержится: максимум на несколько недель, – а ведь мог бы оказаться в местечке куда хуже барака «Икс», сами знаете.

Карандаш взлетел в воздух, ударился об угол стола, отскочил и с глухим стуком упал возле полковника, которому оставалось только гадать, целилась ли сестра в него. Строго говоря, ему следовало бы доложить о ее поведении матроне: медсестры служили под ее началом, и как старший офицер она единственная могла приструнить Лангтри, – но проблема заключалась в том, что после инцидента с платьем старшая медсестра побаивалась заходить в барак «Икс». Вздумай он пожаловаться, поднялась бы такая буча!

– Барак «Икс» – это преддверие ада! – в бешенстве воскликнула сестра.

Никогда еще полковник не видел ее в таком гневе, и в нем проснулось любопытство. Несомненно, она приняла близко к сердцу плачевное положение сержанта Уилсона. Интересно, чем он так зацепил ее? Любопытно будет взглянуть на него завтра утром.

А сестра Лангтри с каждым словом распалялась все больше:

– В этот кошмар отсылают пациентов, которых некуда больше приткнуть. Никто не представляет, что с ними делать. В итоге на них просто ставят крест и забывают об их существовании! Вы невролог. А я обычная медицинская сестра. И у нас обоих нет ни опыта, ни должной квалификации. Вот вы знаете, что делать с этими людьми? Я – нет! Я блуждаю в потемках! Делаю все возможное, но, к несчастью, сознаю, что этого далеко не достаточно. Каждое утро, приходя на дежурство, я молюсь, чтобы прожить еще один день и не навредить кому-то из этих ранимых, со сложным характером людей. Мои пациенты заслуживают большего, чем мы с вами способны им дать, сэр.

– Довольно, сестра! – проревел полковник, и лицо его покрылось лиловыми пятнами, но Лангтри даже бровью не повела.

– О нет, я еще не закончила! Может, оставим в стороне сержанта Уилсона? Давайте лучше поговорим об оставшихся пяти обитателях барака «Икс». Мэтью Соьера перевели сюда из нейрохирургического отделения, когда не смогли найти у него органических нарушений, способных вызвать слепоту. Диагноз – истерия. Вы сами подписали медицинское заключение. Нагетт Джоунс поступил из отделения грудной и брюшной хирургии после того, как его дважды подвергли лапаротомии⁵ и не выявили никакой патологии, хотя он приводил в бешенство всю палату бесконечными жалобами. Диагноз – ипохондрия. Нил, то есть капитан Паркинсон, пережил нервный срыв, который многие назвали бы просто горем, но его командир думает, будто ему лучше здесь, вот он и сидит в бараке месяц за месяцем. Диагноз – инволюционная меланхолия. Бенедикт Мейнард впал в помешательство, после того как его рота открыла

⁵ Вскрытие брюшной полости с лечебной или диагностической целью.

огонь по деревне, в которой, как оказалось, японцев не было вовсе, а остались лишь местные жители – множество женщин, детей и стариков. Поскольку он получил легкое касательное ранение в голову, его как контуженого направили в отделение неврологии, а когда проявилось психическое расстройство, перевели сюда. Диагноз – шизофрения. Собственно говоря, я согласна с этим диагнозом, но Бен нуждается в помощи специалистов и его следовало отправить в Австралию, где ему обеспечили бы должный уход. А что делает в отделении «Икс» Люс Даггет? В его карте вообще нет никакого диагноза! Но мы оба знаем, почему он здесь. Люс шантажировал своего командира, отчего все годы войны жил припеваючи и творил что вздумается. Предъявить обвинение ему не могли, а что делать с ним – не знали, потому и отправили в психиатрическое отделение переждать, пока не стихнет стрельба.

Полковник с трудом поднялся на ноги. Багровый от ярости, он едва сдерживался.

– Это неслыханная дерзость, сестра!

– Так вам показались дерзкими мои слова? Прошу прощения, сэр, – произнесла Онор прежним невозмутимо-спокойным тоном, в обычной своей манере.

Полковник Доналдсон взялся за дверную ручку, но вдруг обернулся к сестре Лангтри.

– Завтра в десять утра я жду вас и сержанта Уилсона у себя в кабинете. – Глаза его гневно блестели, пока он подыскивал обидные слова, чтобы сильнее уязвить ее, пробить эту несокрушимую стену. – Я нахожу странным, что сержант Уилсон – без сомнения, образцовый солдат, удостоенный множества наград, – за шесть лет на передовой дослужился всего лишь до сержанта.

Сестра Лангтри сладко улыбнулась.

– Но не можем же мы все быть великими белыми вождями, сэр! Кто-то должен делать и черную работу.

Глава 7

Какое-то время после ухода полковника сестра Лангтри сидела неподвижно, гневная вспышка обессилила ее. Накатывала легкая тошнота, в голове мутилось, а на верхней губе выступили капельки холодного пота. Глупо было набрасываться на полковника и срывать на нем злость. Делу это не помогло, она лишь распахнула настежь душу перед тем, от кого всегда скрывала свои мысли. И куда подевалось ее хваленое самообладание, что неизменно помогало ей выходить победительницей из схваток с полковником Чинстрепом? Говорить с этим человеком о бараке «Икс» и его жертвах – пустая трата времени. Никогда прежде стычка с Доналдоном не приводила ее в такую ярость. Конечно, все дело в той душераздирающей истории. Приди полковник чуть позже, она успела бы укротить свои чувства и не сорвалась бы, но он явился едва ли не в тот самый миг, когда она дочитала до конца медицинскую карту Майкла.

Кем бы ни был военврач, подписавший официальное медицинское заключение о психическом расстройстве сержанта Уилсона (его имя не вызвало в памяти сестры Лангтри знакомого образа), литературным стилем он владел прекрасно. Читая его записи, она живо представляла себе всех действующих лиц драмы, в особенности Майкла, который из безликого пациента уже превратился для нее в живого человека. После их краткого знакомства в бараке она много думала о нем, строила догадки, но реальность превзошла самые смелые из них. Бедный, бедный Майкл! Как несправедливо с ним обошлись! Как ему, должно быть, горько! Трагическая картина, развернувшаяся перед ее глазами, глубоко потрясла сестру Лангтри, и незаметно для себя она позволила чувствам вмешаться и завладеть ею. От сострадания к Майклу, потерявшему друга, у нее перехватило горло, стало трудно дышать, грудь пронзило болью. Именно тогда появился полковник Чинстреп, оттого ему и досталось.

«Отделение «Икс» не оставило без внимания и меня», – призналась себе Онор. Всего за несколько минут она преступила все мыслимые правила медсестер: от недопустимых чувств и страстей до грубейшего нарушения субординации, – но ничто не могло вытеснить из ее памяти лицо Майкла. Он способен был выдержать многое, даже заключение в отделении «Икс», и неплохо справлялся. Если обычно сестру Лангтри приводила в отчаяние ущербность пациентов, то теперь она не находила себе места из-за того, кто вовсе не нуждался в ее помощи. Должно быть, в этом заключалось предостережение. Об обитателях барака она всегда старалась думать как о пациентах: страдающих и уязвимых. Слабость и беспомощность размывали, затушевывали в них мужчин, что служило ей лучшей защитой: мешало чувству взять верх над рассудком. Не то чтобы ее пугали мужчины или она боялась дать волю чувствам, просто квалифицированная медсестра должна сохранять спокойствие и нейтралитет – только так можно помочь больному. Нет, речь не идет о черствости или бесчувственности к пациентам, но отношения, что возникают между женщиной и мужчиной, здесь недопустимы. Достаточно скверно, когда такое случается в обыкновенных госпитальных палатах, но если речь идет о психически больных пациентах – это просто чудовищно. Нил уже давно занимал ее мысли, но она все еще сомневалась, имеет ли право задумываться о том времени, когда они покинут это заведение. Онор пыталась убедить себя, что все в порядке: ведь Нил почти здоров, да и сам барак «Икс» скоро закроют, – вдобавок она по-прежнему владеет ситуацией и способна, если понадобится, опять увидеть в нем несчастного, страдающего больного. Как же это тяжело: постоянно подавлять в себе нормальные, человеческие качества!

Онор тяжело вздохнула, отгоняя мысли о Ниле и Майкле и стараясь справиться с гневом. Нельзя появляться в палате, пока не выровняется дыхание и не сойдет краска с лица. Карандаш... куда он закатился, когда она швырнула его в полковника? Этот Чинстреп бывал подчас на редкость тупоголовым! Он даже не догадывался, что шестифунтовый обрезок оружейной гильзы едва не полетел ему в голову, когда прозвучала ехидная реплика насчет незадавшейся

военной карьеры Майкла. Интересно, в какой щели он прятался последние шесть лет? Сестра Лангтри за шесть лет службы в военных госпиталях Австралии успела убедиться, что в армии немало достойнейших воинов, наделенных умом, талантом командира и другими качествами, которые отличают офицера, однако они упорно не желают добиваться званий выше сержантского. Вероятно, это как-то объяснялось классовым сознанием, но отнюдь не в негативном его проявлении. Похоже, они были вполне довольны своей судьбой и не видели смысла гоняться за повышением. Если Майкл Уилсон не принадлежал к их числу, значит, сестра Лангтри после стольких лет службы в полевых госпиталях так и не научилась понимать солдат.

Неужели полковнику никогда не рассказывали о таких, как Майкл? Возможно ли, что никто наподобие этого сержанта ему не встречался? Судя по всему, нет, либо он так хотел ее задеть, что ухватился за соломинку. Чертов Чинстреп! Глупо было так кипятились. Напротив, его стоило пожалеть: как-никак база номер пятнадцать далеко не Маккуори-стрит, а полковник еще не впал в старческое слабоумие. Он весьма недурен собой, и, должно быть, в нем под шегольской армейской формой бурлили те же желания, что и у других мужчин. Ходили слухи, будто он уже многие месяцы крутит роман с хирургической сестрой Хедер Конноли. Что ж, большинство офицеров-медиков позволяли себе здесь легкие шалости: а с кем еще развлекаться на пятнадцатой базе, как не с медсестрами? – так что удачи полковнику Доналдсону.

Карандаш упал на пол по другую сторону стола и закатился под край вытертого ковра, так что Онор пришлось опуститься на корточки, чтобы до него дотянуться. Усевшись наконец в кресло, она подумала: интересно, о чем может говорить с полковником Хедер Конноли? Ведь они, наверное, о чем-то разговаривают. Невозможно ведь все время, каждую минуту предаваться любви. До войны практикующий невролог Уоллес Доналдсон живо интересовался малоизвестными заболеваниями позвоночника и спинного мозга с длинными, совершенно непристойными названиями, которые вдобавок писались через дефис. Возможно, о них он и беседовал с сестрой Конноли, а заодно жаловался, что редкие заболевания позвоночника не встретишь в госпитале, где врачам приходится иметь дело со спинами, грубо, ужасно, неправильно изуродованными пулями или шрапнелью. А может, он рассказывал любовнице о своей жене, хранительнице домашнего очага, что ждала его где-нибудь в пригородах Сиднея? Мужчины обычно охотно говорят о своих женах и совершенно не сомневаются, что их жены и любовницы стали бы близкими подругами, если бы позволила общественная мораль. Ну разумеется. Думать иначе значило бы заподозрить, что они ошибались и в своих суждениях, и в выборе женщин.

Так было и с ее мужчиной, о чем Онор вспоминала с болью. Он только и говорил, что о жене: сокрушался, что условности не позволяют их познакомиться, и уверял, будто женщины пришли бы в восторг друг от друга. После первых же трех фраз, которыми он описал свою благоверную, Онор почувствовала, что уже ее возненавидела, но, разумеется, у нее хватило ума промолчать.

Боже, как давно это было! Время не измерить плавно утекающими мгновениями, минутами и часами, оно движется рывками, бьется подобно гигантскому насекомому, что высвобождается из кокона в ином обличье, с иными чувствами и попадает в изменившийся мир, где все выглядит и ощущается иначе.

Тот мужчина тоже был врачом-консультантом и практиковал в Сиднее, в первой – и единственной – больнице, где она работала. Высокий темноволосый красавец тридцати пяти лет, он принадлежал к совершенно новой породе врачей – занимался кожными болезнями. Женат, конечно. Если вам не удалось подцепить доктора, когда тот еще носил белый халат интерна, можете навсегда проститься с надеждой его заполучить, а Онор Лангтри никогда не пользовалась успехом у интернов: те предпочитали более смазливых и живых, восторженных,

но пустоголовых сестричек. Лишь к середине четвертого десятка они начинали скучать со своими женами, которыми обзавелись лет в двадцать с небольшим.

Онор Лангтри всегда была серьезной, первой среди студенток школы медсестер. Это нередко вызывало вопросы: многим казалось странным, что она предпочла профессию медсестры, а не врача, – хотя, как известно, в мире медицины женщине крайне сложно сделать карьеру. Онор Лангтри родилась в богатой фермерской семье и получила образование в одной из лучших в Сиднее закрытых школ для девочек. Она стала медсестрой, потому что хотела именно этого, но не вполне понимала почему, пока не начала работать в больнице. Всегда, с самого начала, она остро сознавала, что хочет быть как можно ближе к людям, и физически, и эмоционально, а это возможно как раз при сестринском служении. Родители предлагали ей учиться на врача, если к этому лежит душа, и готовы были поддержать материально, но поскольку из всех женских занятий самым благородным, уважаемым, достойным восхищения считался труд сестры милосердия, с радостью и облегчением приняли ее отказ.

Даже во время обучения в школе медсестер – их тогда называли практикантками – Онор Лангтри не носила очков, не была робкой и неуклюжей, но и не стремилась выделиться, блеснуть умом. В пансионе для девочек и дома она легко сходилась с людьми, охотно бывала в гостях и любила шумные компании, но не испытывала глубокой привязанности ни к кому из молодых людей. Все четыре года обучения в школе при Королевской больнице принца Альфреда она вела такую же открытую веселую жизнь, бегала на танцы и никогда не оставалась без кавалера, встречалась с поклонниками в кофейне или в кино, но даже не помышляла о глубоких, прочных отношениях: работа медсестры интересовала ее куда больше.

По окончании школы Онор направили в одно из женских отделений больницы, где она и встретила своего дерматолога, недавно получившего должность консультанта. Они сразу же понравились друг другу, и его приятно удивило, что сестра Лангтри так скоро ответила ему взаимностью. Это Онор поняла сразу и лишь гораздо позже догадалась, как сильно его влекло к ней как к женщине. К тому времени она уже успела в него по уши влюбиться.

Он одолжил у своего холостого приятеля адвоката ключи от квартиры в одном из высотных зданий в конце Элизабет-стрит и предложил ей встретиться там. И она согласилась, сознавая, на что идет. Доктор уже объяснился с ней, что далось ему нелегко, и она оценила по достоинству его прямоту и честность. Он никогда не разведется, чтобы жениться на Онор, это невозможно, но он любит ее и страстно желает видеться с ней тайно.

Построенная на честном соглашении, их связь распалась примерно год спустя. Они встречались, когда доктору удавалось выдумать предлог, что порой бывало непросто: к дерматологам не обращаются за неотложной помощью, как к хирургам или акушерам. «Только представь, как кожника вытаскивают из постели в три часа ночи, чтобы помочь пациенту с тяжелым приступом угревой сыпи», – пошутил он однажды. Онор тоже бывало трудно вырваться с работы, ведь она была всего лишь младшей сестрой, еще носила крахмальный фартук и не могла потребовать, чтобы дежурство перенесли на более удобное для нее время. Пока длился их роман, им удавалось видеться не чаще раза в неделю, а случалось, и раз в месяц.

Онор Лангтри нравилось думать о себе не как о жене, но как о любовнице: если жены покладисты и безобидны, то любовницы окутаны неким ореолом очарования и тайны, – однако реальность оказалась иной. Они встречались урывками, тайком и почти тотчас воровато расходились. Онор была несколько обескуражена, когда вдруг осознала, что во время свиданий едва ли не все время они проводят в постели, а иным, более интеллектуальным формам общения уделяют жалкие минуты. Не то чтобы ей не нравилось предаваться любви или она считала это занятие недостойным и унижительным: она быстро усвоила уроки своего доктора, а ум и фантазия подсказали, как применить новые знания, чтобы продолжать дарить любовнику наслаждение и находить в этом удовольствие, – но ей так и не удалось заглянуть в сокровенные

глубины его души, хотя он сам дал ей ключи от тайника: у них просто не оставалось на это времени.

И вот настал день, когда он сказал, что охладел к ней, причем сказал прямо, без объяснений, без попыток оправдаться. Она выслушала свой приговор спокойно, с невозмутимым лицом, как того требуют вежливость и воспитание, затем надела шляпку, перчатки и навсегда ушла из его жизни, но ушла уже в ином обличье, с иными чувствами.

Ей было больно, очень больно, но мучительнее всего оказалось не знать причины. Почему так вышло, что послужило причиной? В светлые минуты Омор жизнерадостно убеждала себя: все закончилось из-за того, что он перешел опасную черту – слишком сильно привязался к ней, и мимолетность их отношений стала для него невыносимой, – но в моменты откровенности с собой признавалась, что истинная причина в сочетании неудобств и удручающего, тоскливого однообразия, которое с некоторых пор отравляло их связь. Должно быть, та самая скука и заставила его когда-то завести роман с ней. Но была и еще одна причина: изменилось ее отношение к нему. Ей все труднее стало скрывать возмущение и обиду, оттого что она была для него лишь партнершей в постели, не более. Обольщать его и очаровывать без конца означало бы посвятить все свое время и силы ему одному, как, весьма вероятно, и поступала его жена.

Всевозможные женские хитрости и уловки представлялись Омор пустым, никчемным занятием. Она не собиралась растрчивать жизнь на то, чтобы угодить какому-то самовлюбленному нарциссу, для которого в целом мире существует лишь он один. Женщины в большинстве своем выбирали именно такую судьбу, но Омор Лангтри всегда знала: это не ее путь. Она вовсе не испытывала неприязни к мужчинам: просто чувствовала, что стать женой и посвятить себя кому-то одному было бы ошибкой.

Итак, она продолжала работать в больнице и находила в этом радость и удовлетворение, которых, скажем прямо, не обрела в любви. Свою работу она обожала. Ей нравилась больничная суматоха, торопливая деловитость, постоянное движение, смена лиц и сложные, захватывающие проблемы, что вечно подбрасывала ей жизнь отделения. Близкие подруги (а у нее их было несколько) только переглядывались и качали головой: «Бедная Омор просто помешалась на работе! Это какая-то инфекция, не иначе».

Наверное, у нее были бы другие романы, и, возможно, один достаточно серьезный, чтобы заставить ее передумать насчет замужества, но вмешалась война. В двадцать пять лет Омор Лангтри одной из первых добровольно ушла на фронт медсестрой, и с того дня армейская служба не оставляла ей времени подумать о себе. За годы войны она прошла длинную череду эвакуационных пунктов в Северной Африке, Новой Гвинее и на островах южной части Тихого океана, так что со временем последние воспоминания об обычной жизни стерлись из ее памяти. О что это были за годы! Тягостная, суровая монотонность будней, изматывающая и вместе с тем завораживающая, настолько далекая от обыденности, что в сравнении с пережитым тогда все остальное во многом казалось ей сущей мелочью. Фронтальные медсестры жили одной сплоченной семьей, и Омор принадлежала этой семье всем сердцем, всей душой.

Годы войны не прошли бесследно, хотя природная рассудительность и выносливость помогли ей выстоять и ее тело пострадало меньше, чем у большинства ровесниц, как и рассудок. При переводе на пятнадцатую базу Омор вздохнула с облегчением. Командование хотело отправить ее в Австралию, но ей удалось этого избежать: она чувствовала, что опыт и крепкое здоровье принесут стране куда больше пользы именно в таком месте, чем дома в Сиднее или в Мельбурне.

Около полугодия назад напряжение последних лет стало ослабевать, и у Омор Лангтри появилось время немного поразмышлять, разобраться в своих чувствах и решить, как она хочет распорядиться собственной жизнью. Все чаще ей в голову приходили вопросы: сможет ли она теперь вернуться к работе в обычной больнице и тем довольствоваться? Это ли ей нужно?

Все чаще задумывалась она о глубоко личной, сокровенной стороне жизни, что лежит за пределами сестринского служения.

Если бы не Люс Даггет, она, вероятно, никогда не пришла бы к мысли, что готова ответить на чувства Нила Паркинсона. Когда Люс появился в отделении, Нил еще страдал тяжелыми приступами душевного расстройства, и Онор думала о нем лишь как о пациенте, не более. Люс что-то изменил в ней: она и сама не вполне понимала, что именно, – но когда неспешно, с видом хозяина положения вошел в барак, то показался ей таким нормальным, основательным и уверенным в себе, что у нее перехватило дыхание. Два дня она ходила словно зачарованная, ее влекло к Люсу, он пробудил в ней давно забытые переживания: она вновь почувствовала себя женщиной, красивой и желанной, – но, верный себе, он сам все разрушил: начал издеваться над несчастным солдатиком, которого отправили в госпиталь после попытки покончить с собой в лагере. Обнаружив, что принимала свинец за золото, Онор едва не подала в отставку. Это был глупый, необдуманный порыв, призналась она себе позже. Тогда же все виделось ей в ином свете. По счастью, Люс не подозревал, какое сильное впечатление произвел на сестру Лангтри: очевидно, это был тот редкий случай, когда он не воспользовался плодами победы. Люса только что перевели в отделение «Икс», и, чтобы освоиться, он отложил на время попытку укрепить отношения с сестрой, но опоздал всего на день. Когда он решил наконец ее покорить и пустил в ход все свое обаяние, сестра дала ему резкий отпор, уже не заботясь о его слабости и уязвимости.

Пусть это и было легким помрачением ума, незначительным отступлением от правил, но стало своего рода поворотной точкой, началом перемен. Возможно, Онор Лангтри осознала вдруг, что война вот-вот завершится победой и ее странная жизнь подходит к концу, а может, Люс выступил в роли прекрасного принца и пробудил ее ото сна, навеянного ею самой, но с того дня она незаметно для себя стала задумываться о вещах, весьма далеких от безграничной преданности сестринскому долгу.

Наверное, поэтому, когда Нил Паркинсон выбрался из тяжелой депрессии и проявил к ней интерес, Онор Лангтри увидела в нем хорошего человека и привлекательного мужчину. Тогда и начала расшатываться ее приверженность правилу медсестры оставаться отстраненной. Нил нравился ей все больше, но лишь теперь это чувство начало перерастать в любовь. Он не был самовлюбленным нарциссом, смотрел на нее с восхищением и бесконечно ей доверял, любил ее. Острую радость доставляли ей мечты о жизни с Нилом после войны, и чем стремительнее приближалась эта жизнь, тем нетерпеливее она ждала ее.

Приученная к железной самодисциплине, Онор Лангтри запрещала себе думать о Ниле как о мужчине, задерживать взгляд на его губах или руках, воображать, как он целует ее, как они предаются любви. Стоило лишь допустить подобные мысли, и это непременно случилось бы и обернулось катастрофой. Онор хорошо понимала: пятнадцатая база не то место, где можно завязать близкие отношения в надежде сохранить их до конца жизни, – и знала, что Нил чувствует то же самое, иначе они уже стали бы любовниками. Было даже забавно ходить по туго натянутой проволоке страстей над жестко подавленными желаниями, влечениями и порывами, притворяться, будто ничего не видишь и не чувствуешь...

Онор заметила, что ее часики показывают без четверти девять, и невольно вздрогнула. Если не отправиться сейчас же в палату, все решат, что она уже не придет.

Глава 8

Сестра Лангтри вышла из кабинета и направилась по короткому коридору в палату, не подозревая, что шаткое равновесие барака «Икс» уже нарушено.

Из-за ширм напротив кровати Майкла доносились приглушенные голоса. Она проскользнула между ширмами и оказалась возле стола. Нил сидел на самом конце скамьи, ближе всего к торцу, где стоял ее стул. Мэт выбрал себе соседнее место. Бенедикт с Наггетом расположились по другую сторону стола, но оставили свободный угол скамьи рядом с ее стулом. Сестра Лангтри тихо заняла свое обычное место во главе стола, обвела глазами четверых мужчин и спросила:

– А где Майкл?

В груди у нее вдруг шевельнулся страх: неужели чутье ее подвело? Может, она ошиблась, когда решила, будто рассудок сержанта Уилсона не затронула болезнь? Война еще не закончилась, а психиатрическое отделение пока не закрыли. Раньше она никогда не оставила бы новичка надолго без присмотра в его первый день в бараке. Так Майкл из тех, от кого можно ждать беды? Не к добру он появился здесь. Сначала она оставила его медкарту на столе, пока показывала ему палату, а теперь не смогла уследить за ним.

Должно быть, она побледнела, да и голос, похоже, ее выдал: трое мужчин с любопытством уставились на нее, даже слепой Мэт повернул к ней голову.

– Майкл в подсобке заваривает чай, – поспешил успокоить ее Нил, затем вытащил из кармана портсигар, раскрыл и протянул солдатам.

Сестра Лангтри знала: он не стал бы предлагать ей закурить за стенами ее кабинета.

– Кажется, нашему новенькому нравится творить хорошие дела, – продолжал между тем Паркинсон, поднося зажигалку всем по очереди. – Собрал грязную посуду после ужина, помог санитару их вымыть, а теперь вот чай готовит.

У Онор пересохло во рту, но она не решилась облизнуть губы, чтобы не дать лишний повод для подозрений, и спросила:

– А Люс где?

Мэт беззвучно рассмеялся.

– Вышел на охоту, словно кот.

– Надеюсь, до утра не вернется, – презрительно скривил губы Бенедикт.

– А я очень надеюсь, что вернется, иначе наживет неприятности, – возразила сестра Лангтри и осмелилась наконец сглотнуть.

Майкл принес чай в большом старом чайнике, знававшем когда-то лучшие времена: эмаль на нем облупилась, бока покрывали многочисленные вмятины и щербинки со следами ржавчины. Поставив чайник перед сестрой Лангтри, он отправился в подсобку и принес на дощечке, заменявшей поднос, шесть щербатых эмалированных кружек, одну-единственную погнутую чайную ложку, сахар в старой банке из-под сухого молока и помятый жестяной кувшин с разведенной сгущенкой. Диссонансом этому убожеству была прелестная чайная пара костяного фарфора Эйнсли, расписанная вручную, с тонкой позолотой, на краю блюдца которой лежала изящная ложечка чеканного серебра.

Онор показалось забавным, что Майкл уселся напротив Нила на ее конце стола. Похоже, ему не пришло в голову, что место на скамье могли оставить для Люса. Вот и хорошо! Люсу это пойдет на пользу: пусть не думает, будто новичок станет для него легкой добычей. Впрочем, с чего бы Майклу бояться Люса? Едва ли тот сможет его запугать. У Майкла здоровая психика, он не подвержен ни навязчивым страхам, ни острым приступам тревоги, которыми страдают обычно пациенты отделения «Икс» при поступлении. Наверняка Люс покажется ему не жутким, а смешным. Но если считать Майкла образцом психического здоровья, то и она, наверное,

тоже немного со странностями, потому что Люс пугает ее, пугает с тех пор, как очнулась от грез и поняла, что он своего рода нравственный имбецил, психопат. Ему удалось ее одурачить, потому она его и боится. А ведь почти влюбилась в него: уж очень понравилась его кажущаяся «нормальность». И вот теперь Майкл... Что, если и на этот раз ошиблась? Может, с самого начала неверно судила о нем?

– Насколько я понимаю, кружки наши, а чашка с блюдцем для вас, сестра, – обратился к ней Майкл.

Оно улыбнулась:

– Да, вы правы. Мне подарили эту пару на день рождения.

– А когда у вас день рождения? – тут же уточнил Уилсон.

– В ноябре.

– Значит, следующий вы будете праздновать дома. И сколько же лет вам исполнится?

Нил угрожающе замер, насторожился и Мэт. На лице Наггета отразился благоговейный испуг, Бенедикт остался равнодушным. Сестра Лангтри не столько обиделась, сколько растерялась: вопрос Майкла застал ее врасплох, – но прежде, чем она успела ответить, вмешался Нил:

– Это вас не касается!

Майкл удивленно поморгал.

– Ну, это ей решать, приятель, верно? Она не выглядит такой уж старой, чтобы держать свой возраст в секрете.

– Что значит «она»? – вскинулся Мэт и голос его дрожал от гнева. – Это вам не кошкина мать, а сестра Лангтри.

– Так сколько лет вам исполнится в ноябре, сестра Лангтри? – повторил вопрос Майкл без тени вызова.

Похоже, обитатели барака показались ему слишком обидчивыми и вспыльчивыми, вот он и решил показать свою независимость.

– Мне будет тридцать один год, – ответила сестра небрежным тоном.

– Вы не замужем? И не вдова?

– Нет. Я старая дева.

Майкл рассмеялся и, решительно покачав головой, возразил:

– Нет, на старую деву вы не похожи.

Атмосфера накалялась: старожилов возмущала наглость новичка и снисходительность сестры.

– У меня в кабинете стоит коробка с галетами, – неторопливо проговорила сестра Лангтри. – Может, кто-то за ней ходит?

Майкл тотчас вскочил.

– Если вы уточните, где именно, я с удовольствием принесу.

– Посмотрите на полке под книгами. Это жестянка из-под глюкозы, но на крышке вы увидите наклейку с надписью «Галеты». Вам добавить молока в чай?

– Спасибо, я пью черный, с двумя кусками сахара.

Пока Уилсон ходил за галетами, за столом стояла мертвая тишина. Сестра Лангтри безмятежно разливала чай, а мужчины дымили сигаретами, словно стремились дать выход накопившейся ярости.

Майкл вернулся с жестянкой, но вместо того чтобы сесть к столу, обошел всех по кругу, предлагая галеты. Заметив, что каждый из мужчин взял по четыре штуки, он достал четыре галеты и мягко подложил под неподвижную ладонь Мэта, покоившуюся на столе, придвинул к его руке кружку с чаем так близко, чтобы слепой почувствовал тепло, и только после этого опустился на скамью рядом с сестрой Лангтри. Его искренняя улыбка глубоко тронула ее – Майкл ничем не напоминал Люса.

Остальные мужчины по-прежнему настороженно молчали, но сестра Лангтри впервые на это не обратила внимания. Все ее мысли занимал Майкл: она улыбалась ему и думала, как приятно в кои-то веки встретить человека, лишённого привычного набора надуманных страхов, тревожных метаний и переживаний. Она была уверена, что он не стал бы искать у нее утешения и защиты, как другие пациенты.

Внезапно Наггет громко застонал, капризно оттолкнул кружку с чаем и схватился за живот.

– О господи, меня опять скрутило! Ай-ай-ай, сестра, похоже, у меня кишечная непроходимость или дивертикулит!

– Тем лучше для нас, – без всякого сочувствия пробурчал Нил, схватил кружку Наггета и перелил ее содержимое в свою опустевшую, потом сгреб его галеты и ловко, словно игральные карты, раздал остальным.

– Но мне правда плохо, сестра! – жалобно проблеял Наггет.

– Если бы ты не лежал в кровати весь день и не читал медицинский справочник, то чувствовал бы себя нормально, – неодобрительно заметил Бенедикт, недовольно поморщившись, и сурово обвел глазами сидевших за столом, словно кто-то из них жестоко его обидел. – Это здоровья не прибавляет, да и воздух здесь нездоровый.

Он поднялся и, важно ступая, вышел на веранду.

Наггет опять застонал, на этот раз куда громче, и сестра Лангтри мягко проговорила:

– Бедняжка Наггет! Если хотите, пойдите в мой кабинет и подождите меня там. Я сейчас подойду. А вы можете пока измерить частоту своего пульса и дыхания, хорошо?

Джоунс с готовностью поднялся, держась за живот так, будто собирался вот-вот извергнуть его содержимое, и с победной ухмылкой оглядел остальных.

– Слышали? Сестричка знает, что ничего я не выдумываю! Уверен: у меня опять разыгрался язвенный колит.

Он унесся в конец барака, а Майкл с тревогой заметил:

– Надеюсь, у него нет ничего серьезного, сестра: вид у него и вправду нездоровый.

Нил фыркнул, а Онор невозмутимо возразила:

– С ним все в порядке.

– Болезнь грызет его душу, – неожиданно заговорил Мэт. – Несчастный простофиля скаучает по матери. Он здесь, потому что это единственное место, где его терпят, а мы миримся с ним из-за сестрицы. Будь у начальства побольше мозгов, отправили бы беднягу домой, к матери, еще два года назад. А вместо этого его держат здесь, вот он и жалуется на ломоту в спине, головные боли, кишечные колики и сердечные приступы. Гниет здесь заживо, как и все мы.

– Верно сказано: все мы тут гнием, – угрюмо буркнул Нил.

Буря не утихала. У них меняется настроение, словно погода в этих широтах, подумала Онор, обводя взглядом лица мужчин. Кажется, ничто не предвещает ненастья, а в следующий миг поднимается вихрь и небо заволакивает тьма. Что стало причиной на этот раз? Неужели слова Мэта?

– Что ж, по крайней мере, у нас есть сестра Лангтри, а значит, все не так уж плохо, – весело заметил Майкл.

На этот раз смех Нила прозвучал почти естественно, так что, возможно, буря все же уляжется.

– Bravo! – воскликнул он. – Наконец-то среди нас появился галантный рыцарь! Теперь слово вам, сестра. Оспорьте этот комплимент, если сможете.

– Зачем же мне его оспаривать? Не так уж часто мне делают комплименты.

Слова Онор задела Нила, но он демонстративно запрокинул голову, словно сбросил наконец напряжение, и мягко возразил:

– Вопиющая ложь! Вам ли не знать, что мы постоянно осыпаем вас комплиментами. Но раз уж мы заговорили об этом, скажите: почему вы застряли в «Икс»? Должно быть, тоже в чем-то провинились?

– По правде сказать, да. Я совершила ужасный грех: полюбила этот барак со всем его содержимым, – иначе ничто не заставило бы меня остаться здесь, сами знаете.

Внезапно Мэт поднялся, точно ему стало вдруг невыносимо оставаться за столом, уверенно, словно вовсе не страдал слепотой, подошел к сестре Лангтри и легонько коснулся рукой ее плеча.

– Я устал, сестра, поэтому прощаюсь с вами. Доброй ночи. Забавно: в такие вечера, как сегодня, я почти верю, что, проснувшись утром, снова смогу видеть.

Майкл привстал, чтобы помочь Мэту пройти между ширмами, но Нил жестом остановил его.

– Он знает дорогу, приятель.

– Хотите еще чаю, Майкл? – спросила Онор.

Он кивнул и собирался что-то сказать, но ширмы вдруг покачнулись, в палату проскользнул Люс и опустился на скамейку рядом с Нилом, заняв место, где прежде сидел Мэт.

– Красота! Я как раз вовремя: успею выпить чаю.

– Помяни дьявола, он и появится, – вздохнул Нил.

– Собственной персоной, – согласился Люс и, заложив руки за голову, оглядел присутствующих сквозь прищуренные веки. – Какая славная компания тут собралась! Вижу, вы избавились от жалкого сброда: остались только важные особы. Десяти еще нет, сестрица, так что нет надобности смотреть на часы. Вы жалеете, что я не задержался дольше?

– Вовсе нет, – спокойно возразила сестра Лангтри. – Я знала, что вы вернетесь вовремя. Не припомню, чтобы вы хоть раз явились в отделение после десяти без разрешения или самовольно нарушили режим.

– Как-то невесело вы об этом говорите. Я начинаю думать, что вы с великой радостью пожаловались бы на меня полковнику Чинстрепу, был бы только повод.

– Поверьте, Люс, это не доставило бы мне ни малейшего удовольствия. Вся беда в вас, друг мой. Вы так стараетесь восстановить людей против себя, что буквально силой вынуждаете их поверить в худшее, вот им и приходится уступать, чтобы хоть немного пожить в тишине и покое.

Шумно вздохнув, Люс наклонился вперед, облокотился на стол и подпер кулаками подбородок. Густые волнистые волосы цвета меди, слишком длинные, чтобы называться короткой стрижкой, предписанной армейским уставом, упали ему на лоб. «Какая совершенная красота», – подумала Онор и брезгливо содрогнулась. Она подозревала, что Люс подкрашивает брови и ресницы, вдобавок тщательно за ними ухаживает, но вовсе не потому, что пытается походить на женщину, а из одного лишь самодовольного тщеславия. Его огромные, широко расставленные глаза искрились золотом под дугами неестественно темных бровей. На его худом лице с высокими точеными скулами выделялся тонкий, прямой как клинок, нос с гордо вырезанными ноздрями. Рот его, четко очерченный, поражал изяществом линий, какое встретишь разве что у статуй.

Неудивительно, что он буквально ошеломил Онор, когда она впервые его увидела, однако теперь ее больше не привлекало ни это лицо, ни высокий рост, ни великолепное тело. Совсем иначе с Нилом... или Майклом, если подумать. Есть в Люсе какая-то червоточина: не слабость и не просто изъян, но внутренняя гниль, что пронизывает все его существо, а потому избавиться от нее невозможно.

Она слегка повернула голову и взглянула на Нила. Этот мужчина в любом кругу считался бы привлекательным, не будь рядом Люса. Те же тонкие изящные черты, но без его яркости, без паразитической игры красок. Годы изрезали глубокими морщинами его лицо, но это лишь при-

давало ему импозантности, как большинству красивых мужчин, но когда такие же морщины набегали на лицо Люса, из красавца он превращался в чудовище. Возможно, его морщины были иными, не благородными, и выдавали не опыт, а распутство; не пережитые страдания, а капризную вздорность. Вдобавок Люс уже начинал оплывать жирком, а сухощавому Нилу это не грозило. Онор особенно нравились глаза Нила: ярко-голубые, опущенные золотистыми ресницами, – а еще брови: было бы так приятно гладить такие кончиком пальца, снова и снова...

Майкл совершенно другой. Он мог бы сойти, пожалуй, за древнего римлянина, достойнейшего из достойных. Его лицо привлекало если не красотой, то внутренней силой, и отражало твердость духа. Было в Майкле что-то от Цезаря, какая-то скрытая отделенность, непохожесть на остальных. Казалось, всем своим видом он говорил: «Да, я побывал и в раю, и в преисподней, но остался самим собой». Именно этим Майкл невероятно привлекал Онор.

От мыслей ее отвлекло ощущение, что за ней наблюдают. Онор обвела взглядом присутствующих и, придав лицу холодное, отстраненное выражение, повернулась к Люсу. Он так и не смог понять, почему его чары оказались бессильны, а Онор Лангтри не собиралась ему объяснить, отчего внезапно потеряла к нему всякий интерес.

– Сегодня вечером я встретил девушку из родных краев, – вдруг объявил Люс, не меняя позы. – Это же надо: прибыла из нашего захолустья напрямик на базу номер пятнадцать! – и вдобавок меня помнит. И слава богу, а то я бы нипочем ее не узнал: очень сильно изменилась.

Люс уронил руки на стол и, заговорив высоким девичьим голосом, так искусно разыграл сцену встречи, что сестра Лангтри будто увидела все собственными глазами.

– Она сказала, что моя мать стирала белье ее матери, а мне приходилось таскать корзину. Ее отец служил управляющим в банке. – Он понизил голос и тотчас превратился в прежнего Люса, надменного и пресыщенного. – «Наверное, во время Великой депрессии ваш папаша приобрел кучу друзей, пока отбирал за долги последние крохи у всех и каждого, – отвечаю я. – Хорошо, что у моей матери нечего было отнять». А она мне: «Какой вы жестокий», – и вид у нее такой, будто вот-вот расплачется. «Вовсе нет, – говорю, – просто это правда». А она: «Не держите на меня зла», – а в черных глазищах слезы стоят. Тут я и говорю: «Да разве я могу злиться на такую хорошенькую девушку, как вы?» – Люс ухмыльнулся тонко и зло, словно бритвой полоснул. – Хотя это как раз неправда. У меня на нее зуб, я рад буду поквитаться с ней!

Пока он говорил, Онор наблюдала за его мимикой и жестами, потом мягко произнесла:

– Сколько горечи, Люс! Как, должно быть, обидно, когда приходится носить корзину с бельем управляющего банком.

Люс пожал плечами и попытался напустить на себя беззаботность, принять свой обычный заливчатский вид:

– Вот еще! В жизни полным-полно огорчений, верно? Хотя, сказать по правде, таскать корзину с бельем управляющего банком, а заодно и доктора, и директора школы, и англиканского священника, и дантиста, вполнину не так обидно, как знать, что у тебя нет сменных башмаков. Эта девчонка училась в нашей школе, я вспомнил ее, когда она назвала свое имя. Я даже помню, какие туфли она носила: черные лаковые, как у Ширли Темпл, с ремешками и большими шелковыми бантами. Мои сестры были куда красивее всех прочих девчонок и уж точно красивее ее, но у них вообще не было туфель, никаких.

– А вам не приходило в голову, что те, у кого были туфли и ботинки, возможно, завидовали вашей свободе? – мягко спросила сестра Лангтри, пытаясь найти нужные слова, чтобы помочь ему увидеть свое детство в менее мрачном свете. – Помню, так было со мной, когда я ходила в местную школу, прежде чем подросла и меня отправили в интернат. Я носила примерно такие же туфли, как дочь управляющего банком, и безумно завидовала босоному маленькому оборванцу, который часто попадался мне по пути, когда шел по выгону, поросшему колючками, и даже не морщился. О как мне хотелось сбросить туфли!

– Австралийские колючки! – с улыбкой воскликнул Люс. – Забавно, но я совершенно о них забыл! В нашей дыре они выростали в полдюйма длиной. Я вытаскивал их из ступней и ничегошеньки не чувствовал. Зато зимой, дорогая высокообразованная, сытая и хорошо одетая сестрица Лангтри, мои пятки и подошвы покрывались трещинами и кровоточили от холода. От холода, сестра! Вам когда-нибудь случалось страдать от холода?

Он окинул ее презрительным взглядом, и Онор рассердилась, оттого что получила такую резкую отповедь.

– В пустыне меня мучили голод и жажда, в джунглях я страдала от жары и от лихорадки, когда не могла ни есть, ни пить из-за приступов рвоты. Но я не пустышка, у которой одни наряды на уме! Я исполняла свой долг. И мне искренне жаль, что в детстве вам пришлось пережить такое. Если мои слова вас обидели, то я прошу прощения, но, поверьте, они были сказаны из самых лучших побуждений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.